

К 1170798

В. Б. КОНАСОВ

ГРИФ СЕКРЕТНОСТИ
СНЯТ

Вологда
1991

Денвари
Оракове
в музей
номинации
5 окт 1891.

Б. С.

С.

Северное отделение археографической комиссии АН СССР
Вологодский областной комитет
Коммунистической партии РСФСР
Вологодский областной комитет защиты мира
Вологодский областной совет ветеранов войны и труда
Группа «Поиск» Вологодского государственного
педагогического института

В. Б. КОНАСОВ

ГРИФ СЕКРЕТНОСТИ СНЯТ

(К истории немецких военнопленных в СССР)

К 1140798

Вологда
1991

Без права перепечатки
ВОЛОГОДСКАЯ
область в библиотеке
им. И. В. Бабушкина

63.3(2)722
-K64

63.3(2)722.~~22~~
+kp. +КМИ

Извечное стремление человека к истине, справедливости, гуманизму и ми-
лосердию продиктовали необходимость написания данной работы. Читателю
предоставляется возможность познакомиться с малоисследованными страницами
истории немецких военнопленных в Советском Союзе. Повествование ведется
прежде всего на основе материалов до недавнего времени закрытых архивных
фондов.

Автор — В. Б. Конасов.

Редакторы: П. А. Колесников, В. В. Судаков.

Рецензенты: К. К. Худолей, доктор ист. наук,
М. Н. Яковлев, кандидат ист. наук.

Das ewige Streben der Menschheit zur Wahrheit, Gerechtigkeit, Humanismus und Barmherzigkeit haben die Notwendigkeit der Arbeit am vorliegenden Buch bestimmt. Der Leser hat die Möglichkeit, die erforschten Seiten der Geschichte von Kriegsgefangenen in der Sowjetunion kennenzulernen. Dem Buch liegen vor allem die Dokumente zugrunde, die bis zur Letzten Zeit geheimehalten wurden.

Verfasser — KONASOW W. B.

Redakture: KOLESNIKOW P. A., SUDAKOW W. W.

Rezessenten: CHUDOЛЕJ K. K. Doktor der historischen
Wissenschaften JAKOWLEW M. N. Kandidat der historischen Wissenschaften.

ПРЕДИСЛОВИЕ

История плена восходит к глубокой древности, как и сама история войн. На протяжении тысячелетий пленные влачили бесправное существование, подвергались унизительным процедурам. Только Женевской конвенцией 1864 года они впервые были взяты под защиту международного права. Причем действие названного соглашения, которое поначалу подписали десять государств, распространялось лишь на раненых и больных воинов. Гаагские конвенции 1899 и 1907 гг. уже обеспечивали правовую защиту всех военнослужащих, оказавшихся во власти неприятеля. В 1929 году принимается Женевская конвенция об обращении с военнопленными, которая спустя двадцать лет опять же в Женеве была пересмотрена и в настоящее время признана более чем ста пятьдесятю государствами мира.

И все-таки плен — это всегда трагедия. Трагедия миллионов, трагедия целых народов. Общие безвозвратные потери стран, участвовавших в первой мировой войне, превзошли потери во всех войнах за 125 предшествующих лет. Кроме убитых, умерших от ран и искалеченных, на чужбине оказались свыше 10 млн. граждан самых различных государств. Беспрецедентной в этом отношении была всерая мировая война. Численность военнопленных составила астрономическую цифру — почти 35 миллионов человек. Одних только советских солдат и офицеров, оказавшихся за колючей проволокой фашистских лагерей, было 5,7 млн. человек, из которых 3,3 миллиона умерло от голода, болезней, изнурительного труда и истязаний.¹

Плен — это всегда трагедия отдельной личности. Михаил Павлович Никитин, 1918 г. р., русский, военфельдшер 628-го батальона связи пленен немцами 23 сентября 1941 года. За неповиновение, грубое нарушение режима и утайку продовольственного пайка наказывается лагерным начальством двадцатью сутками ареста и тридцатью ударами палкой. Убит при попытке к бегству

29 июня 1943 года.² Потребовалось почти полвека, прежде чем трофейные документы поведали нам о судьбе этого человека. А сколько еще неизвестных судеб граждан всех стран и народов хранит в себе история плена?

Известны примеры, когда по заранее спланированной акции трагедия плена способна была превратиться в фарс, чтобы затем обернуться еще более жуткой трагедией. По окончании 105-дневной зимней войны Финляндия передала СССР захваченных в ходе боев красноармейцев. Шла весна 1940 года. На улицах Ленинграда освобожденным узникам устроили торжественную встречу. Взволнованные, полные надежд на лучшую долю, проходили они под аркой с плакатом «Родина приветствует своих героев», а затем... Затем их тайно грузили в вагоны с зарешеченными окнами. По последним данным, более 5 тысяч несчастных навсегда сгинули в Южском лагере Ивановской области.³ Судьба еще нескольких тысяч до сих пор неизвестна.

Проблема военнопленных может надолго стать предметом внешнеполитических дебатов и идеологического противостояния. В апреле 1943 года немцы объявили, что в Катынском лесу неподалеку от Смоленска ими обнаружено массовое захоронение польских офицеров. Вслед за этим последовало создание комиссии с участием представителей Международного Красного Креста и Польши. Результатом ее работы стало заключение—военнопленные польские офицеры расстреляны органами НКВД в апреле 1940 года. Это заявление СССР расценил как нацистскую провокацию. После освобождения Смоленска на место преступления выехала Чрезвычайная Государственная Комиссия во главе с академиком Н. Н. Бурденко. Она пришла к прямо противоположному выводу: польские офицеры уничтожены гитлеровцами после захвата Смоленска в 1941 году. Путь к раскрытию истины растянулся на десятилетия. Вопрос об ответственности за совершенное злодеяние не раз всплывал на международном уровне, становился предметом острой полемики советских, польских и немецких историков. Наконец, в апреле 1990 года в заявлении ТАСС было сказано, что гибель 15 тысяч польских офицеров, содержавшихся в Козельском, Старобельском и Осташковском лагерях, представляет одно из тяжких преступлений НКВД. Впрочем, дискуссию по этому вопросу, на наш взгляд, завершать пока преждевременно.

Плен есть плен. Был он таковым и для военнослужащих фашистской Германии, оказавшихся в руках Советского государства. В то же время для части солдат и офицеров вермахта русский плен стал избавлением от неминуемой гибели. В начале 1943 годаober-лейтенант Ганс Губер писал на родину из лагеря в Елабуге: «Мы тащились голодные, как волки, раненые, с об-

морожеными конечностями, подыхая от полного истощения... 31 января взяты в плен. Трехразовая горячая еда, 600 граммов хлеба в день показались чудом. В лагере госпиталь с превосходным персоналом. Многим спасли здоровье и жизнь». ⁴

Запоздалым прозрением обернулся русский плен для военно-служащего вермахта Эриха Фурмейстера. В 1948 году в письме к родным он предупреждал: «Если еще раз придет Вагнер, вышвырните его. Он фашист, военный преступник и является виновником моих злоключений... Очевидно, мне скоро разрешат домой. За что же мы боролись?» ⁵

Как это ни парадоксально, на первый взгляд, звучит, но у сотен бывших солдат и офицеров третьего рейха именно в пленау возникли добрые чувства к советским людям. На восстановлении одного из заводов на Украине трудился военнопленный Ганс-Диттер Валай. Вот что он писал: «В год 40-летия великой победы над гитлеровским фашизмом мне хочется сказать рабочим этого города и завода сердечное спасибо... Мои русские и украинские друзья были верные, честные и веселые люди». ⁶ Подобные письма внушают особое уважение к поколению, чьи судьбы опалила война. Будем откровенны, нелегко даются великодушие и милосердие по отношению к вчерашнему врагу. Памятую об этом, воздадим должное учредителям Международного неправительственного фонда «Вечная память солдатам» во главе с Анатолием Безугловым. Среди акций доброй воли, осуществленных этой организацией за последнее время, следует упомянуть о приведении в порядок могил умерших немецких военнопленных, что покоятся на кладбище в Елабуге.

По достоинству требуется оценить гуманный шаг правительства Германии, результатом которого стала передача из Берлинского архива СССР списков 106 тысяч советских воинов, скончавшихся в пленау. Через долгие годы ныне живущим возвращена память о родных и близких, не вернувшихся с минувшей войны. В этой связи остается только приветствовать инициативу группы «Поиск» Вологодского государственного педагогического института, которая приступила к работе над книгой «Милосердие». В издание это планируется поместить около 5000 имен и фамилий немецких военнопленных с указанием дат их смерти и мест погребения на Вологодской земле. Нашлись и энтузиасты, готовые заняться восстановлением заброшенных кладбищ бывших вражеских солдат.

Долго, непростительно долго трагедия пленя, особенно если речь шла о солдатах и офицерах противника, была у нас тайной за семью печатями. За это время историки из ФРГ успели подготовить и издать капитальный труд «К истории немецких военнопленных второй мировой войны», ⁷ семь томов которого посвяще-

ны жизни военнослужащих Германии в советском плену. Однако известная тенденциозность, акцент на освещение «ужасов пребывания на русской земле» помешали, на наш взгляд, воссозданию истинной картины событий. Не случайно, когда в 1979 году в Кельне вышла книга советского историка А. С. Бланка «Немецкие военнопленные в СССР», в которой бывший переводчик и офицер НКВД изложил свое видение проблемы, некоторые депутаты бундестага даже потребовали запретить распространение этого «просоветского сочинения». Приходится только сожалеть, что исследование по исключительно актуальной теме, так и не было переведено на русский язык. К счастью, ситуация изменилась к лучшему. Постепенно становятся доступными материалы ранее закрытых фондов государственных и ведомственных архивов. Именно они и послужили прежде всего основой для написания предлагаемой вниманию читателя книги.

* * *

«Не каждый наш солдат герой. Так пусть уж лучше он погибнет, чем сдастся в плен...»

27 июля 1929 года на Международной дипломатической конференции в Женеве были приняты две важные конвенции—конвенция об обращении с военнопленными и конвенция об улучшении участия раненых и больных в действующих армиях. Увы, от Советского Союза никто не присутствовал на этом представительном форуме. Нарком по иностранным делам Г. В. Чicherин, крайне удрученный политикой разжигания внутри собственной страны мнимой военной угрозы, находился в это время на лечении в Германии, а исполняющий обязанности наркома М. М. Литвинов в середине мая был отозван из Женевы в Москву. В итоге оба международных соглашения были подписаны без участия СССР. Однако недоумевающей мировой общественности требовалось как-то объяснить предпринятый демарш. После нескольких месяцев молчания Исполком Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР сделал в 1930 году заявление, продиктованное позицией советского руководства. Некоторые положения Женевской конвенции о военнопленных представляются советской стороне не вполне удовлетворительными: низкая оплата труда, нерегламентированный рабочий день, отсутствие выходных, наличие привилегий для отдельных групп военнопленных. Учитывая все это, Советский Союз будет устанавливать режим содержания лиц, захваченных в плен, согласно своему внутреннему законодательству. ⁹

На словах все вроде бы очень гуманно, а по сути—сплошное лицемерие. Так, И. В. Сталину из сводок НКВД было хорошо известно, что по состоянию на 1 января 1930 г. в лагерях ГУЛАГа находилось 179 тысяч советских людей,¹⁰ которые вопреки всякому законодательству с утра до позднего вечера, без всяких выходных нещадно эксплуатировались на «ударных стройках социализма» и здесь же умирали от непосильного труда и недоедания. Нет, думается, мотивы, заставившие наше руководство проигнорировать конвенцию об обращении с военнопленными, крылись в ином. Уже шел процесс формирования военной доктрины, исходившей из абсолютного приоритета наступательной стратегии над оборонительной. Эта, оставившая о себе недобрую память, военная доктрина, сложившаяся окончательно к концу 30-х годов, предусматривала ведение боевых действий на территории противника с малыми потерями и крайне незначительным количеством военнопленных с советской стороны.

Была, по-видимому, и еще одна причина. Конвенция представляла возможность любому государству через Международ-

ный Красный Крест оказывать гуманитарную помощь соотечественникам, оказавшимся во власти противника. Сама мысль об этом казалась И. В. Сталину кощунственной, ибо, в его понимании, факт нахождения красноармейца в плену—это уже предательство. Не случайно, в советском законодательстве по отношению к пленным наметился явно обвинительный уклон. Согласно статье 22-й «Положения о воинских преступлениях» 1927 года сдача в плен приравнивалась к добровольному переходу на сторону противника и влекла за собой расстрел с конфискацией имущества.¹¹ Еще более определенно выразил свое отношение к пленным «отец народов» в знаменитом приказе № 270 от 16 августа 1941 года. Если «...часть красноармейцев вместо организации отпора врагу предпочтет сдаться ему в плен—уничтожать их всеми средствами, как наземными, так и воздушными, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишать государственного щоссия и помощи». Командиров и политработников, «...сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами; семьи которых подлежат аресту, как семьи, нарушивших присягу и предавших свою родину дезертирам». Страшно подумать, сколько миллионов судеб советских граждан было загублено с этого момента одним росчерком пера. Даже Адольф Гитлер, позаимствовавший на завершающем этапе войны жуткую идею названного приказа, сделал в отличие от И. В. Сталина исключение для своих раненых солдат. А именно: «...Всякий, кто не имея ранения, попадет в плен к русским, приговаривается к смертной казни заочно, а семья его идет на каторгу или в концентрационный лагерь».¹²

Отказ Советского правительства подписать Женевскую конвенцию о военнопленных имел трагические последствия прежде всего для советских людей. Фашистским руководством было заявлено, что СССР не может претендовать на соблюдение этого соглашения Германией, а поэтому все немецкие солдаты и офицеры, нарушившие нормы международного права, будут прощены. За день до начала войны появился приказ: «С ранеными русскими пленными нечего долго возиться, их надо просто приканчивать на месте».¹³ В июле 1941 года последовал приказ гестапо, санкционировавший убийство русских военнопленных, представляющих опасность для национал-социализма. Причем круг таких опасных лиц был предельно широк. В него входили «все комиссары Красной Армии, руководящие деятели государства, руководящие деятели промышленности и хозяйства, советско-русские интеллигенты» и т. д.¹⁴

Вскоре преступные приказы начали воплощаться в жизнь, в печати появились первые сообщения ТАСС о зверствах гитлеровцев на оккупированной территории. 17 июля 1941 года Нарком

иностраных дел В. М. Молотов специальной нотой довел через посольство и Красный Крест Швеции до сведения Германии и ее союзников согласие СССР соблюдать требования Гаагской 1907 г. и Женевской 1929 г. конвенций о военнопленных.¹⁶ Но поскольку первый из названных документов, подписанный в свое время Россией, нами не был признан, а под вторым подпись представителя Союза ССР вообще отсутствовала, то формально противоборствующая сторона могла оставить ноту без внимания.

Текст конвенции о военнопленных 1929 года в печати не был опубликован. В памяти людей сохранились в лучшем случае негативные комментарии на ее счет, сделанные еще в довоенное время. По этой причине юридическую неосведомленность проявляли даже те, кому по долгу службы это было противопоказано. В 1946 году начальник лагеря № 150 запрашивал вышестоящую инстанцию: «От военнопленных священников немецкой национальности поступают письменные заявления и прошения, адресованные на имя Министра внутренних дел с просьбой освободить их из плена. Военнопленные ссылаются на 9, 12 и 13 ст. Женевской конвенции от 27 июля 1929 года и на Гаагское соглашение. Не имея по данному вопросу никаких разъяснений, прошу соответствующих на сей счет указаний».¹⁷

Немало военных подходило к проблеме заключения международного соглашения о военнопленных с позиции своего мировощущения. Характерен в этом отношении диалог, приведенный на страницах книги Александра Верта «Россия в войне 1941—1945». Автор книги, в годы войны корреспондент английской газеты «Санди Таймс», задал полковнику Красной Армии вопрос: «Не лучше ли было СССР подписать Женевскую конвенцию и тем самым облегчить участь советских военнопленных?» На что последний ответил: «Я не очень в этом уверен... Можно ли ожидать от заключения с немцами конвенции о военнопленных чего-нибудь хорошего. Наши войска приняли муки ада и еще не раз побывают в аду, прежде чем мы разделемся с этой войной. А в таком аду—готов признать это—мысль о том, что стоит только сдаться немцам в плен, как вам будет обеспечена мягкая постель и завтрак—все то, чем пользуются английские пленные,—такая мысль может вредно отразиться на политико-моральном состоянии армии. Не каждый наш солдат герой. Так пусть уж лучше он погибнет, чем сдастся в плен...»¹⁸.

Существенно защищала права военнопленных, нуждающихся в медицинской помощи, Женевская конвенция 1929 г. об улучшении участия раненых и больных в действующих армиях. Лечение лиц названной категории должно было осуществляться на одинаковых основаниях с военнослужащими армии государства, в чьей власти они оказались. После долгих раздумий советское руко-

водство пришло к мысли о необходимости присоединиться к этому международному соглашению, о чём 25 августа 1931 года Нарком по иностранным делам М. М. Литвинов оповестил мир специальной декларацией. Но при этом советским людям внушалось, что «конвенция о раненых и больных 1929 г. представляет собой часть буржуазного права войны» и подписывает ее Советский Союз прежде всего потому, что преследует цель «облегчить положение массы братьев по классу, массы трудящихся, поставленных враждебным ему классом по ту сторону фронта». 19

Как бы то ни было, принятное СССР, решение сыграло свою положительную роль. В случае нарушения конвенции противником появилась возможность на законных основаниях апеллировать к Международному Красному Кресту. Опыт войны показал, что далеко не каждый немецкий врач шел на нарушение норм международного права и оставлял без медицинской помощи нуждающегося в ней советского военнопленного. Немецкое командование нередко разрешало нашим медикам открывать на оккупированной территории госпитали для лечения пленных красноармейцев, условия содержания в которых все же нельзя и близко сравнить с фашистским лагерем, зачастую располагавшимся под открытым небом.

О нарушениях норм международного права со стороны СССР

Преступлениям гитлеровцев против мирного населения, пленных бойцов и командиров Красной Армии не может быть оправданий. С другой стороны, не будет ли сегодня отступлением от исторической истины следовать распространенной версии о том, что на протяжении всей войны и послевоенного периода СССР неукоснительно соблюдал принятые на себя обязательства по защите прав военнопленных? Начнем с того, что историки Германии располагают документами о расстрелах первых немецких солдат и офицеров, оказавшихся в советском плену. 20 Свидетельства подобного рода можно найти и в недавно опубликованных мемуарах Н. С. Хрущева, в годы войны члена Военных Советов ряда фронтов. 21 Наконец, известны случаи, когда распоряжения об уничтожении немецких перебежчиков исходили от И. В. Сталина. При воссоздании правдивой картины прошлого не принимать во внимание эти прискорбные факты, если они даже и не были многочисленными, было бы ошибочным.

Еще 1 июля 1941 года Совнарком Союза ССР утвердил «Положение о военнопленных». Этот важнейший руководящий документ отвечал требованиям Женевской конвенции, а поэтому его

соблюдение на практике позволяет судить, насколько добросовестно придерживался Советский Союз норм международного права. Так, военнопленным разрешалось «получать с родины и из нейтральных стран посылки с продовольствием». 22 Казалось бы, сама обстановка благоприятствовала этому. В августе 1941 года делегации Международного Красного Креста с согласия Гитлера предоставили возможность посетить лагерь советских военнопленных в Хаммерштадте, после чего последовал призыв к СССР оказать продовольственную помощь своим соотечественникам. Однако из Москвы пришел вежливый отказ. Его мотивы сводились к тому, что в существующих условиях нельзя расчитывать на то, что продовольствие попадет по назначению.²³ Понятно, что при такой постановке вопроса не приходилось надеяться на помощь из Германии и оказавшимся в советском плену солдатам вермахта.

Нежелание воспользоваться посредническими услугами Международного Красного Креста серьезно усугубило положение военнопленных обеих из воюющих сторон, особенно советских людей. Мало того, что они содержались на полуоголодном пайке, как отмечают германские историки М. Барч, Г.-Ф. Шебеш, Р. Шеппельманн, в отношении русских пленных в лагерях третьего рейха действовал принцип «уничтожения работой».²⁴ В результате от постоянного недоедания, изнурительного рабского труда число погибших исчислялось десятками тысяч. В то же время из 235473 плененных англичан и американцев за все время войны умерло 8348 человек.²⁵ Объясняется это не только лояльным отношением фашистских властей к солдатам и офицерам союзников Красной Армии, но и тем, что американцы и англичане в отличие от советских военнослужащих, оказавшихся за колючей проволокой, периодически получали продовольственную помощь от своих стран.

«Положением о военнопленных» оговаривалась возможность посещения лагерей иностранными делегациями Красного Креста. На практике же допускались в СССР, судя по всему, только те зарубежные представители названной организации, которые прибыли в связи с протестами советской стороны на нарушение немцами Женевской конвенции об улучшении участия раненых и больных в действующих армиях. Так, в 1943 году англо-американско-канадская делегация дважды зафиксировала нарушение норм международного права военнослужащими вермахта.²⁶ Однако никаких сведений о посещении делегациями Красного Креста лагерей военнопленных в Советском Союзе обнаружить не удалось.

Бдительно следили органы НКВД за недопущением контактов лагерного контингента с иностранными подданными. К раз-

ряду чрезвычайных происшествий был отнесен случай в Серпухове в сентябре 1945 года. По недосмотру охраны представители французского посольства вступили в разговор с работающими вблизи автострады пленными. Во избежание подобного впредь заместитель начальника ГУПВИ НКВД СССР генерал-лейтенант А. И. Петров потребовал установить режим, «исключающий всякую возможность» нежелательных контактов.²⁷

«Раненые и больные военнопленные, нуждающиеся в медицинской помощи или госпитализации,—говорилось в документе,— должны быть немедленно направлены командирами частей в ближайшие госпитали». ²⁸ Правда, в реальной фронтовой обстановке выполнить данное требование удавалось далеко не всегда. Наблюдались факты эвакуации раненых солдат противника вместе с пострадавшими в боях красноармейцами, что было категорически запрещено. Случалось, политорганы фронтов и армий привлекали к ответственности медиков, допустивших посадку на санитарный поезд в первую очередь немецких военнопленных, а не бойцов Красной Армии. Об этом, например, сообщалось в донесении начальника политотдела 2-й ударной армии полковника Ф. А. Шаманина.²⁹ Между тем врачи эвакоприемника, о которых шла речь, исходили из степени тяжести пострадавших и действовали по принципу—«военнопленные в медико-санитарном отношении обслуживаются на одинаковых основаниях с военнослужащими Красной Армии».³⁰ Единственное, в чем их можно упрекнуть, так это в том, что погрузка солдат противника проводилась прямо на глазах у раненых красноармейцев.

Согласно нормам международного права с 5 июня 1942 года военнопленные стали получать денежное довольствие. Рядовому и унтер-офицерскому составу выплачивалось 10 рублей, среднему командному составу—15, старшему командному составу—25 и высшему командному составу—50 рублей. Однако, как справедливо отмечает военный юрист и историк В. П. Галицкий, в выплате денежного довольствия имелись серьезные недостатки. Не во всех лагерях и не всегда регулярно пленные получали деньги на руки.³¹

Ветеран войны из города Заволжье Н. И. Васильев с возмущением пишет: «Все страны через «Красный Крест» имели связь со своими пленными, и только сталинская рука отвергла эту связь».³² Но в том, что между СССР и Германией не осуществлялся предусмотренный Женевской конвенцией обмен списками военнопленных, а советские и немецкие военнопленные не получили возможности для нормальной переписки с родными и близкими, не в меньшей степени виновато фашистское руководство. Известно, что правители третьего рейха наложили запрет на по- чту своих солдат и офицеров из лагерей Советского Союза. Тем

не менее на территорию противника изредка попадали письма, отобранные 7-м отделом Главного политуправления РККА*. Так, например, письма тех, кто попал в плен под Сталинградом, сбрасывались над Венгрией. Часть из них потом окольными путями достигала Германии.³³

Наиболее серьезные нарушения общепринятых норм международного права были допущены СССР в организации учета умерших военнопленных и установленных правил их погребения. В Женевской конвенции об улучшении участия раненых и больных в действующих армиях от 27 июля 1929 г. о воинах, которые скончались на территории своего противника, говорилось: «...Воюющие стороны будут наблюдать, чтобы умершие были погребены с честью, чтобы их могилы уважались и могли всегда быть разысканы». ³⁴ К сожалению, лишь в самом начале войны на каждого умершего военнопленного в Управление НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных (УПВИ НКВД СССР) и в Санитарное управление РККА регулярно направлялись соответствующие донесения, как например, 28 августа 1941 года от начальника спецгоспиталя № 2314 Гринберга: «...Военнопленный Гайнеман Карл Германович, рядовой 88 стр. полка, немец, 1921 г. р., уроженец Эшбеке (Тюрингия), скончался 24 августа с. г. Похоронен 27 августа на Преображенском кладбище в Москве (военный участок, место № 4563)». ³⁵ Чаще же наблюдалась несколько иная картина. Именные списки умерших фиксировали далеко не всех скончавшихся, графа «место захоронения», случалось, вообще отсутствовала, либо координаты этих мест указывались без особой точности. Например, все что сохранилось в документации об умерших военнопленных в Бабаевском спецгоспитале № 3337—это общая цифра захороненных (32 человека). Кто погребен в «200 метрах на юго-запад от госпиталя», ³⁶ установить сегодня вряд ли уже возможно.

В 1949 году была предпринята попытка навести основательный порядок в алфавитных и кладбищенских книгах, уточнялись или составлялись заново планы-схемы мест захоронений. Кладбища военнопленных стали обретать более или менее приличествующий вид. Причину подобной активности лагерной администрации во многом объясняет документ следующего содержания: «В связи с тем, что надлежащее сохранение кладбищ предусмотрено международными конвенциями о военнопленных, не исключена возможность разрешения Правительственными органами посещения отдельных кладбищ представителями иностранных государств. Поэтому прошу Вас за ходом проверки состояния кладбищ военнопленных проследить лично». ³⁷ Такое распоряже-

* Такое название носил отдел по работе среди войск и населения противника.

ние начальника ГУПВИ МВД СССР в числе других начальников управлений МВД краев и областей страны получил и руководитель МВД по Вологодской области. Однако образцово выполнить полученное распоряжение оказалось не так-то легко. Сказалось безответственное отношение к захоронениям пленных во время войны и не менее халатное отношение городских и районных исполкомов к переданным в их распоряжение после расформирования лагерей кладбищам. В письме на имя председателя Вологодского облисполкома говорилось: «...Установлено, что местные органы власти никакого надзора за принятыми кладбищами не осуществляли, вследствие чего кладбища находятся в запущенном состоянии: большинство могильных холмиков разрушено, надмогильных холмиков не имеется, могилы заросли кустарником, ограждения кладбищ отсутствуют». 38 Нетрудно догадаться, что не менее удручающая картина наблюдалась и в других республиках, краях и областях СССР.

Весной 1990 года корреспондент «Известий» побывал на месте бывшего лагеря военнопленных № 188 неподалеку от Тамбова. Из разговора с подполковником внутренней службы в отставке Кузьминым, который в годы войны исполнял обязанности заместителя начальника лагеря, стало известно, что нередко умерших хоронили в общих могилах. Из записей в кладбищенских книгах выяснилось: почти все захороненные — немцы. Однако на вопрос корреспондента: «Кто же покоятся во рвах рядом с кладбищем», — ни бывший лагерный администратор, ни местные старожилы не смогли дать вразумительного ответа. 39

Нет смысла обвинять в небрежении Центральное справочное бюро при исполкоме Красного Креста СССР, которому в годы войны было поручено осуществлять обмен списками военнопленных, передавать наследникам умерших их документы и деньги. Вряд ли стоит предъявлять претензии и к организованной с 1945 года при исполкоме Красного Креста СССР комиссии по розыску советских и иностранных граждан, пропавших без вести. Да, на многочисленные запросы родственников немецких военнопленных комиссия нередко давала стандартный ответ типа «сведениями не располагаем». К сожалению, для таких ответов существовали весьма веские причины. Все данные о военнопленных на долгие годы стали достоянием только одного ведомства — НКВД — МВД СССР. В конечном счете именно это ведомство решало, какую информацию о пленных [•]предать гласности. Поэтому не приходится удивляться тому, что сегодня, по оценкам специальной комиссии ООН, остается неизвестной судьба 87,353 немцев, оказавшихся в плена Советского государства 40. Немало, видимо, вошло в это число тех солдат и офицеров вермахта, чья смерть при конвоировании, эвакуации, в лагерях и

спецгоспиталях не была своевременно зафиксирована документально, равно, как и место захоронения.

Особого внимания заслуживает вопрос о репатриации немецких военнопленных на родину. В статье 75-й Женевской конвенции сказано: «Репатриация военнопленных должна осуществляться в кратчайший после заключения мира срок». Фактически после того, как немецкая сторона подписала акт о безоговорочной капитуляции, военные действия были прекращены. С 9 по 17 мая 1945 года без сопротивления сложили оружие, не считая отдельных мелких групп в Чехословакии и Австрии и отъявленных фанатиков, свыше 1,3 млн. солдат и офицеров вермахта.⁴¹ Однако потребовалось несколько долгих лет, прежде чем последние немецкие военнопленные возвратились на родину. Формально обоснованием столь длительной задержки можно было бы объявить отсутствие, принятого в международной практике документа о прекращении состояния войны между двумя государствами. Но о документе подобного рода говорить не приходится, ибо на Потсдамской конференции было решено, что «пока... не будет учреждено никакого центрального германского правительства».⁴² Верховная власть в стране, как известно, до марта 1948 года принадлежала Контрольному совету четырех держав—СССР, США, Великобритании и Франции. Позднее же вопрос о заключении мира между победителем и побежденным целиком оказался в руках Советского государства. Достаточно сказать, что решение о прекращении состояния войны между Советским Союзом и Германией было принято в одностороннем порядке. Объявлено об этом было Указом Президиума Верховного Совета СССР только 25 января 1955 года.⁴³

Если не принимать во внимание военных преступников, осужденных к длительным срокам наказания, то основными критериями при решении вопроса об освобождении от плена всех остальных были:

- состояние здоровья и, как следствие, пригодность или не-пригодность к выполнению физического труда;
- воинское звание и служебное положение военнослужащего, его возраст;
- постоянное место жительства (восточная или западная зоны оккупации Германии);
- наличие или отсутствие компрометирующих материалов (саботаж, симуляция, членовредительство и т. п.) на тех, кто содержался за колючей проволокой.

В основе названных критериев, на наш взгляд, лежали прежде всего экономические, военно-политические и идеологические соображения. Так, разрушенное войной народное хозяйство требовало дешевой рабочей силы взамен сильно поредевшего конти-

нгента лагерей ГУЛАГа (уже в начале войны была объявлена амнистия, коснувшаяся осужденных за «малозначительные преступления», несколько позднее было освобождено и направлено на фронт 420 тыс. человек, еще несколько тысяч умерло от не-посильного труда и полуголодного существования)*. Однако малотрудоспособные военнопленные не представляли большого интереса. Требовались люди физически здоровые, способные эффективно трудиться на восстановительных и строительных объектах. Сдерживающим фактором репатриации офицерского состава служило то, что в условиях растущего противостояния между бывшими союзниками советское руководство не хотело допустить использования опытных кадровых офицеров вермахта в качестве своего возможного противника на стороне блока империалистических государств. Наконец, пленные, подозреваемые в саботаже, симуляции, членовредительстве и других неблаговидных действиях, задерживались по «оперативным соображениям». И хотя вину таких пленных еще требовалось доказать, они рассматривались как враги социалистического строя.

Первую репатриацию немецких военнопленных СССР проводил в августе 1945 года. Планировалось возвратить на родину около 500 тысяч человек, причем включены в это число были главным образом больные, инвалиды, малотрудоспособные. По сведениям начальника НКВД по делам военнопленных группы советских оккупационных войск в Германии в каждом из прибывающих эшелонов оказывалось до 100 человек, которых, в силу их крайне болезненного состояния, нельзя было передавать местным органам самоуправления.⁴⁴ Такой ослабленный контингент предварительно направлялся в лагерь-госпиталь во Франкфурте-на-Одере.

Наиболее значительная по масштабам репатриация проходила в 1948 году. Достаточно обратиться к справке Вологодского областного управления МВД, чтобы уяснить—главным критерием освобождения по-прежнему остается физическое состояние военнопленного, уровень его трудоспособности. Из общего числа всех немцев, содержавшихся в местных лагерях, к отправке на родину предназначалось 5786 «больных, инвалидов, ослабленных и малотрудоспособных». К 10 июля 1948 года 3556 человек выехало в Германию. «Остальные,—указывается в документе,—не могут быть репатриированы и остаются в лагерях...» Согласно директиве сверху, руководство УМВД области отсрочивало освобождение 530 офицеров в возрасте моложе 60 лет и задерживало по «оперативным соображениям» 1700 человек.⁴⁵

*Согласно справке НКВД СССР на 1 января 1941 года в лагерях ГУЛАГа находилось 1 500 524 чел., на 1 января 1946 года — 600 897 человек.

Пока у власти находился И. В. Сталин, проблема репатриации немецких военнопленных долго не получала своего окончательного разрешения. Только 5 мая 1950 года в «Правде» было опубликовано сообщение ТАСС, в котором говорилось, что «к настоящему времени репатриация немецких военнопленных из Советского Союза в Германию полностью закончена». Общая цифра репатриированных с момента капитуляции составила 1939063 человека.⁴⁶ Однако вскоре после смерти вождя принимается совместное коммюнике Советского правительства и правительской делегации ГДР от 23 августа 1953 года. В соответствии с принятым соглашением все немцы, которые находились в СССР на правах военнопленных, за исключением «лиц, совершивших особо тяжкие преступления против мира и человечности», подлежали освобождению.⁴⁷ И хотя, освобождаемые именовались в коммюнике «военнопленными, осужденными за преступления во время войны», это была, скорее всего, уступка времени, уступка прежде проводимому курсу. Уже 1 ноября 1953 года в советской печати публикуется сообщение, в котором слово «осужденные» не встречается. Текст сообщения гласил: «В связи с репатриацией немецких военнопленных из СССР репатриирован также фельдмаршал Паулюс...» Ниже следовало и по сей день пророчески звучащее заявление бывшего командующего 6-й армией: «Великодушное решение Советского правительства от 23 августа 1953 года по вопросу о военнопленных служит новым доказательством того, что Советское правительство в своей политике по отношению к Германии не руководствуется чувством мести за бесчисленные страдания, которые мы причинили советскому народу в результате развязанной нами войны. Напротив, оно своей мирной политикой, которая вновь нашла свое выражение в вышеупомянутом решении, облегчает всему германскому народу движение по широкому пути к единству Германии и тем самым к счастливому будущему».⁴⁸

Последнюю точку в возвращении немецких военнопленных на родину поставили Московские переговоры между СССР и ФРГ, проходившие в сентябре 1955 года. Речь шла об установлении дипломатических отношений между двумя государствами. Начавшийся диалог по своему драматизму и накалу мало чем напоминал «дипломатический» разговор двух высоких договаривающихся сторон. Глава германской делегации Конрад Аденауэр заявил: «Разрешите мне начать с вопроса об освобождении тех немцев, которые в настоящее время находятся еще в заключении на территории Советского Союза или в странах, находящихся под советским влиянием, или которым так или иначе препятствуют выехать из этих районов...»⁴⁹ Глава советской делегации, пред-

1140400

ВОЛГАГРАДСКАЯ
область | отека |

седатель Совета Министров СССР Н. А. Булганин, а вслед за ним Н. С. Хрущев и В. М. Молотов, категорически отвергли правомерность такой постановки вопроса. Да, действительно, на 1 сентября текущего года в Советском Союзе все еще находятся 9626 немцев. «Но это—люди,—подчеркнул Н. А. Булганин,—которые по самым гуманным нормам и правилам должны содержаться на правах преступников... Они по заслугам осуждены советским судом и не могут рассматриваться как военнопленные». 50 В ответном слове Аденауэра отчетливо прозвучала мысль о том, что без решения названной проблемы нормализация отношений между двумя государствами представляется германской стороне весьма затруднительной. «Не дайте нам, пожалуйста,—убеждал он,—возвратиться домой с заявлением: «Советское правительство отказалось вообще говорить с нами по этому вопросу». 51 В дальнейшем в ходе переговоров немецкая делегация еще и еще раз обращалась к проблеме «задерживаемых лиц». Тем не менее в совместном коммюнике, провозгласившем установление дипломатических отношений между двумя странами, о них не было сказано ни слова. И только позднее можно было убедиться, что позиция германской делегации была воспринята с пониманием. 21 сентября 1995 года «Правда» без каких-либо комментариев с небольшими сокращениями перепечатала статью председателя комиссии бундестага по иностранным делам Кизингера из «Штутгarter цайтунг». В ней, в частности, говорилось: «После очень упорных переговоров советские руководители в Москве дали слово освободить... задерживаемых немцев. Без этого обещания не было бы достигнуто решение о нормализации дипломатических отношений...»

Можно спорить о том, как называть тех немцев, что вскоре после переговоров вернулись домой. Историки Германии, как правило, не склонны именовать их военными преступниками и подводят последних 9000 немецких военнослужащих, освобожденных из лагерей СССР, под общую формулировку «военнопленные». Вряд ли это правомерно. Думается, что после депатриации 1953 года на территории Советского Союза в подавляющем большинстве остались именно военные преступники, осужденные за злодеяния против русского народа, народов других оккупированных фашистской Германией стран. Исключение могли составить только лица, о которых упомянул на переговорах Аденауэр: «...Нам известны случаи.., когда немцы, которые как солдаты попали в плен, были осуждены за преступления, совершенные ими после прекращения военных действий». 52

На переговорах в Москве канцлер ФРГ Конрад Аденауэр проявил твердость и вопреки мнению своих советников поверил не зафиксированному ни в одном документе честному слову Булганина.

нйна, что в конечном счете и обеспечило успех. «То, что этот диалог начался в духе искренности и доверия к данному обещанию о незамедлительном решении проблемы военнопленных,— пишет Манфред Ридель,— является величайшим событием начала послевоенных германо-советских отношений». 53 Верится, что и сегодня стремление к справедливости, гуманизму и милосердию будет непременным условием творческого поиска ученых СССР и Германии на пути к истине при разрешении сложных и противоречивых вопросов истории двух государств.

Организация приема и эвакуации военнопленных

Одной из характерных особенностей начального периода Великой Отечественной войны было то, что в плену Советского государства находилось крайне незначительное количество солдат и офицеров противника. На 10 августа 1941 года в тыловых лагерях содержалось 1990 человек, из них — 974 немца. 54 Думается, органы НКВД не испытывали в это время особых проблем с приемом, эвакуацией и размещением военнопленных. Тем более, что опыт подобной работы был накоплен немалый. После вступления частей Красной Армии на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии в сентябре 1939 года в числе пленных оказалось более 130 тысяч польских солдат и офицеров. 55 Уже тогда появилось Управление по делам военнопленных и интернированных, выработано временное положение о приемных пунктах военнопленных, утверждены положения о лагерях-распределителях и о стационарном лагере.

Согласно установленному порядку командование войсковых частей отвечало за охрану пленных только до момента доставки их в армейские приемные пункты. Затем солдаты и офицеры неприятеля поступали в распоряжение конвойных войск НКВД. «Временная инструкция о конвоировании военнопленных из приемных пунктов в лагеря-распределители», утвержденная 4 июля 1941 года заместителем начальника НКВД СССР генерал-лейтенантом И. И. Масленниковым, предусматривала буквально каждую мелочь. В этой инструкции говорилось и о взаимоотношениях между конвоем и пленными, и о правилах сопровождения последних к месту назначения различными видами транспорта, и о норме суточного перехода (не более 25—30 км), и даже о количестве привалов при конвоировании пленных пешим порядком. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что вражеским солдатам разрешалось покупать в пути следования продукты питания. Одним словом, это была идеальная временная инструкция, ибо выполнить ее можно было только при отсутствии массового поступления пленных, безуказненной раз-

боте транспорта и своевременном обеспечении конвоируемых всем необходимым на всем пути следования. 56

В начальный период войны эвакуация военнопленных проходила по схеме: войсковой район—армейские приемные пункты (АПП)—тыловые стационарные лагеря. Заведенный порядок вполне отвечал той обстановке, которая складывалась на советско-германском фронте. Число пленных со стороны противника было невелико, так, на 31 декабря 1941 года в лагерях УПВИ НКВД СССР находилось всего 9417 человек. 57 Тем не менее к лету 1942 года прежний порядок эвакуации военнопленных был признан неэффективным. Приказом НКВД СССР между армейскими приемными пунктами и тыловыми лагерями вводится промежуточное звено в виде шести лагерей-распределителей. 58

Кардинально изменилась ситуация с приемом и эвакуацией пленных в конце 1942 года. 19 ноября советские войска перешли в контрнаступление под Сталинградом. Уже через пять дней капитулировали окруженные в районе Распопинская, Базковский 27 тысяч румынских солдат и офицеров вместе со своими генералами. Во второй половине декабря на Среднем Дону мощный удар по врагу нанесли войска Юго-Западного и Воронежского фронтов. Только за десять дней наступления сложили оружие 48 тысяч итальянских и 5 тысяч немецких солдат и офицеров. 59 В условиях такого значительного поступления пленных число АПП пришлось увеличить до сорока четырех, а лагерей-распределителей—до пятнадцати. 60

К этому времени в критической ситуации оказались зажатые в кольцо войска 6-й немецкой армии. Никаких перспектив на спасение у них уже не было. Нормы продовольственного снабжения уменьшались с каждым днем, и накануне капитуляции солдаты получали всего 50 граммов хлеба в сутки. Резко возросла смертность от болезней и ранений. В этих условиях моральный дух армии был серьезно подорван. Стремясь избежать напрасного кровопролития, советское командование предъявило противнику ультиматум. Всем прекратившим сопротивление гарантировались жизнь и безопасность, а после окончания войны возвращение на родину или в любую страну, куда изъявят желание пленные. Однако, выполняя волю и приказ Гитлера, командующий 6-й армией Паулюс отклонил предложенную капитуляцию. В результате при ликвидации окруженной вражеской группировкой войска Донского фронта под командованием генерала К. К. Рокоссовского разгромили 22 немецкие дивизии и свыше 160 частей усиления и обслуживания. С 10 января по 2 февраля 1943 года в плен была взята 91 тысяча военнослужащих вермахта, в том числе 1500 офицеров и 24 генерала. 61

С учетом сложившейся обстановки начальнику тыла Донского фронта было дано указание развернуть в районе Сталинграда несколько дополнительных лагерей для военнопленных. К 22 февраля в этих лагерях было сосредоточено 90 тысяч человек, из которых более 30 тысяч находилось в тяжелейшем физическом и нервно-психическом состоянии. Всего же в ходе Сталинградской битвы за период с 19 ноября 1942 года по 3 февраля 1943 года в плен было захвачено 151246 вражеских солдат и офицеров.⁶² Как считает Франц Уле-Веттлер, из всех немцев, оказавшихся в руках Советского государства после битвы на Волге, домой вернулись лишь около 6 тысяч человек.⁶³ Думается, германский историк несколько стущает краски, хотя часть военнослужащих вермахта в те роковые для них дни, действительно, была незавидной—масса раненых, обмороженных, страдающих дистрофией и сыпным тифом. В довершение всего лагеря военнопленных в районе Сталинграда оказались переполненными, а эвакуация в тыл растянулась до июня 1943 года. Только усугубили свое положение те, кто сбежал из плена или скрылся из зоны недавних боевых действий. Тщетно пытаясь выйти на своих, беглецы, лишенные куска хлеба и теплой одежды, занимались мародерством, ночевали в лесах, пытались найти приют у жителей окрестных деревень. 17 февраля 1943 года НКВД СССР был отдан приказ о мерах по розыску беглых солдат и офицеров неприятельской армии. Оперативным группам и агентурно-осведомительной сети предлагалось взять под усиленный контроль железнодорожные вокзалы, автомагистрали и близлежащие к ним населенные пункты. Приказ напоминал, что население, изобличенное в укрывательстве немцев, должно привлекаться к уголовной ответственности.⁶⁴

Вскоре после Сталинградского сражения лагеря-распределители были реорганизованы во фронтовые приемно-пересыльные лагеря (ФППЛ), а с 26 сентября 1943 года по приказу НКВД СССР между АПП и ФППЛ создается промежуточное звено—сборные пункты (СП) военнопленных. Все эти нововведения, безусловно, были направлены на улучшение обслуживания пленных в ходе эвакуации. Однако нехватка вагонного парка, автотранспорта и конной тяги продолжала затруднять эффективное решение проблемы. Как правило, конвоирование пленных в полосе линии фронта осуществлялось пешим порядком. В связи с этим приказом НКО СССР от 23 апреля 1944 года были определены предельно допустимые расстояния между АПП-СП-ФППЛ. В 25—30 км от переднего края устраивались армейские приемные пункты, далее в 50—70 км располагались сборные пункты, а еще через 100—120 км—фронтовые приемно-пересыльные лагеря.⁶⁵ Таким образом, планировалось свести к минимуму число

заболеваний и смертельных исходов среди вражеских солдат при пеших переходах.

Не один день занимала дорога к стационарному лагерю, расположенному в глуби страны. Описание одной из таких длинных и нелегких дорог оставил в своих воспоминаниях бывший военнопленный Отто Рюле, известный читателям по книге «Исцеление в Елабуге». Вот что он пишет: «Колонна наша сильно растянулась, не менее чем на километр. Я шел примерно в середине колонны. Каждый тащился как мог... Советские солдаты, сопровождавшие колонну пленных, вели себя очень корректно. Красноармейцы подгоняли нас лишь криками «давай-давай», и не больше. А если какой-нибудь пленный падал, русский солдат подходил к немцу, помогал ему встать, а потом докладывал офицеру о случившемся». ⁶⁶ Правда, по мнению автора, картина, которую рисует О. Рюле, выглядит несколько идеализированной.

Летняя кампания 1944 года ознаменовалась семью крупными операциями по окружению и разгрому немецких группировок. Только в июле при ликвидации вражеского «котла» восточнее Минска в плен было взято 35 тысяч человек, в том числе 12 генералов. В целях оперативной эвакуации разоруженного противника из фронтовых районов в глубь страны начальник тыла Красной Армии и Нарком внутренних дел СССР подготовили и 31 июля направили своим подчиненным специальную директиву. Документ этот, в частности, предусматривал персональную ответственность начальников тылов фронтов за прием, обеспечение и эвакуацию военнопленных. В результате число точек, предназначенных для обслуживания вражеских солдат и офицеров на пути к лагерю, значительно увеличилось. К концу 1944 года во фронтовой полосе действовало 72 армейских пункта и 49 сборных пунктов. ⁶⁷

Особенно остро обозначилась проблема приема, обслуживания и эвакуации немецких военнопленных на завершающем этапе войны и в первые месяцы после ее окончания. Войскам Красной Армии пришлось снабжать продовольствием немецкое население, оказывать всестороннюю помощь репатриированным советским гражданам, освобожденным из лагерей красноармейцам и военнослужащим союзных армий. Среди репатриантов, предназначенных к отправке в СССР, были широко распространены такие заболевания, как туберкулез, брюшной тиф, чесотка. Удручающе много было зараженных гонореей и сифилисом. В крайне ослабленном состоянии находились бывшие узники фашистских концлагерей. К 1 июля 1945 года общее число репатриированных советских граждан и бывших военнопленных, принятых на обеспечение службами тыла Красной Армии, составило 2453520 человек. ⁶⁸ Однако и цифра немецких солдат и офицеров, сложивших

оружие в период с 9 по 13 мая 1945 года, была внушительной—1390978 человек.⁶⁹

Немало вражеских солдат и офицеров было взято в плен в конце войны в других странах Западной Европы. Так, в ходе операции по освобождению Вены разоружено более 130 тысяч, а в боях за Прагу—около 860 тысяч военнослужащих вермахта.⁷⁰ Всего же в мае—июле 1945 года в тыл страны силами девяти фронтов было отправлено 1031350 человек. Для транспортировки потребовалось 358 железнодорожных эшелонов.⁷¹

Видимо, прежде всего трудности с приемом, обеспечением и эвакуацией огромной массы военнопленных являются главной причиной того, что смертность среди них в последние полгода войны оставалась достаточно высокой (по данным историков Германии, летальный исход колебался в пределах 20—25 процентов).⁷² Это подтверждают и данные советских источников. В отчетах с мест можно встретить такие примерно записи: «В связи с большим количеством случаев смертности в 1945 году за счет больных и истощенных военнопленных, поступивших с фронтов, лагерем допускались групповые захоронения умерших...».⁷³

Лагерный быт и труд военнопленных

Все тыловые стационарные лагеря подразделялись на три типа: офицерского состава, рядового и унтер-офицерского состава, смешанного типа. Последние имели отдельные жилые зоны для той и другой категории военнопленных. В бараках для рядового и унтер-офицерского состава оборудовались двухъярусные нары. Помещения для офицеров имели кровати, столы и стулья, побо-гаче была обстановка в генеральских корпусах. В апреле 1943 года было принято решение об использовании труда военнопленных на стройках НКВД и других наркоматов, с которыми ведомство Л. П. Берия заключало хоздоговора. Лагеря, которые сооружались в местах работ, отличались спартанской простотой. Несколько десятков бараков, сколоченных из горбыля, для утепления снаружи обсыпались землей. Норма жилой площади на одного человека в бараке или землянке определялась Типовым перечнем № 1—два квадратных метра. Оборудовалась уборная из расчета одно «очко» на 26 человек, умывальник из расчета один «сосок» на 15 человек.⁷⁴

Прибытие очередной партии пленных в любой из тыловых лагерей обязательно сопровождал досмотр личных вещей. Согласно инструкции «О порядке содержания военнопленных в лагерях НКВД» от 13 августа 1941 года изъятию подлежали оружие, ценные вещи, документы, игральные карты и другие запрещенные предметы. После регистрации всех прибывших знакомили с

правилами внутреннего распорядка и режимом дня, который предусматривал: подъем—7.00, утренний туалет—7.00—7.25; построение—7.25—8.00; завтрак—8.00—9.00; рабочее время—9.40—14.00; обед—14.00—15.00; рабочее время—15.00—19.40; ужин—19.40—20.40; отдых и культурные развлечения—20.40—22.30; 22.30—23.00—вечерняя поверка; 23.00—сон.⁷⁵

В обязательном порядке назначались уполномоченные (старосты) бараков, корпусов, лагеря в целом. Как правило, это были пользующиеся доверием среди администрации и авторитетом среди военнопленных лица. В функции старост входили контроль за поддержанием правил внутреннего распорядка, организация внутрилагерных работ, ежедневная сдача рапорта дежурному офицеру на вечерней поверке. Многие в течение нескольких лет занимались порученной работой и были неплохими помощниками лагерного начальства.

Особого внимания заслуживает вопрос о питании военнопленных. При анализе названной проблемы следует иметь в виду как минимум два обстоятельства. Прежде всего это то, что нормы хлебного и котлового довольствия неоднократно пересматривались. Так, в самом начале войны действовали нормы, утвержденные 11 октября 1939 года. Суточный паек военнопленного включал в себя хлеба ржаного—500 г., хлеба пшеничного—300 г., муки пшеничной—20 г., крупы разной—120 г., макарон—30 г., мяса—75 г., рыбы—100 г., овощей—600 г., масла растительного—30 г., жиров животных—10 г., сахара—30 г., соли—30 граммов и т. д.⁷⁶ Как видно, приведенные нормы свидетельствуют о лояльном отношении советских властей к солдатам и офицерам противника. Даже с формальной точки зрения в менее выгодном положении находились томящиеся в лагерях ГУЛАГа советские граждане. Согласно приказу НКВД от 5 августа 1941 года, занятые на основных производственных работах должны были ежесуточно получать: хлеба ржаного—700 г., муки пшеничной—15 г., круп разных и макарон—100 г., мяса—20 г., рыбы—125 г., картофеля и овощей—600 г., сахара—10 г., соли—15 граммов и т. д.⁷⁷ Нетрудно заметить, что хлеб пшеничный в рационе вообще отсутствует, существенно ниже нормы отпуска мяса, сахара, соли.

В начальный период войны помимо основной нормы питания военнопленных существовали повышенные, предназначенные для находящихся в лагерных лазаретах и оздоровительных командах. Однако ухудшившаяся экономическая ситуация в стране и возросшее число пленных в условиях, когда конца войне еще не было видно, привели к тому, что все дополнительные нормы по распоряжению заместителя начальника НКВД СССР В. В. Чер-

нышова с 25 августа 1942 года были отменены. Одновременно значительное понижался суточный рацион военнопленного. Хлеб теперь выдавался только ржаной и в количестве всего 400 граммов, отпускалось муки второго сорта—20 г, крупы—100 г, рыбы—100 г, овощей и картофеля—500 г, сахара—20 граммов и т. д. В конце распоряжения замнаркома подчеркивалось, что работающим выделяется дополнительно 100 граммов ржаного хлеба.⁷⁸

Разгром немецких войск под Сталинградом сопровождался пленением не только солдат, но и большого числа офицеров и генералов. Видимо, именно это послужило толчком к переходу с 16 марта 1943 года на дифференцированные нормы питания.⁷⁹ Так, офицерский состав получал хлеба 600 г, сахара—17 г, жиров—15 г, мяса—80 г, картофеля—900 г, овощей—400 г, кофе—5 граммов.⁸⁰

Надо сказать, что поначалу немецкие солдаты и офицеры расценивали повышенное внимание к собственной персоне со стороны советской администрации не более как пропагандистский трюк. Исходя из этого избрали и соответствующую форму поведения. Старший лейтенант в отставке И. Ф. Филяев вспоминает: «Первое время пленные офицеры приходили в лагерную столовую, садились за накрытые столы и ожидали Паулюса. При его появлении все они вскакивали и приветствовали его по-нацистски, после чего он садился за стол, опирался головой на руки и сидел, не дотрагиваясь до пищи, потом поднимался и уходил. Вслед за ним покидали столовую остальные, не прикоснувшись к еде».⁸¹ По свидетельству А. С. Бланка, другой немецкий генерал, бывший начальник штаба 6-й армии Шмидт, во время посещения Сузdalского лагеря комиссией из Москвы громко заржал по-лошадиному. «Это от овсяной каши,—объяснил он с издевкой,—а скоро начну кричать петухом—от пшена...»⁸² Впрочем, подобные демарши продолжались недолго.

Второе обстоятельство, которое следует подчеркнуть, говоря о питании военнопленных, — это факты несоблюдения установленных норм хлебного и котлового довольствия. В условиях войны перебои в снабжении были не редкостью, однообразным был ассортимент продуктов. Допускались злоупотребления со стороны отдельных работников лагерей. Вообще-то многим из обслуживающего персонала казалось несправедливым, что вчерашних врагов, особенно офицеров и генералов, кормят гораздо сытнее, чем своих. Используя такие настроения, нечистые на руку работники не докладывали в котел положенное количество продуктов, занимались хищениями. Особенно развращала коллектив преступная деятельность лагерной администрации. Так, некто М. Я. Коломиец — заместитель начальника одного из лагерей в сентябре—ноябре 1945 года систематически обкрадывали военнопленных. Про-

ведённая проверка показала, что за это время людьми нёдоопустили 2195 килограммов жиров и 764 килограмма сахара. Ясно, что хищениями такого масштаба заниматься в одиночку было бы просто невозможно. В конечном счете упомянутый снабженец получил 15 суток ареста и был уволен из органов НКВД 83.

Плен есть плен, и длительное пребывание за колючей проволокой поневоле накладывало определенный отпечаток на каждого. Неожиданно пристрастились к чтению художественной литературы те, кто до войны не был особым любителем словесности. Условия для этого существовали неплохие, ибо в каждом лагере обязательно имелась библиотечка, укомплектованная книгами на русском и немецком языках. Перестало смущать посетителей поначалу: настораживающее (не иначе, как красная пропаганда) обилие томов с произведениями Маркса, Энгельса, Ленина. Люди убедились, что насилию обращать их в иную веру никто не собирается. Некоторые пленные, еще недавно довольно спокойно относившиеся к религии, вдруг проявили исключительную набожность. Порой к лагерному начальству приходили целые делегации и настаивали на выделении более просторного помещения для отправления религиозных культов. При этом высказывались обиды, что лучшие места всегда отдаются под занятия различных кружков.

Интересные наблюдения можно встретить в мемуарах Рудольфа Петерсхагена, бывшего полковника вермахта*. В лагере № 6064 в Моршанске пленные офицеры несколько месяцев подряд были одержимы идеей строительства вилл, естественно, на бумаге. За табак привлекали к проектированию солдат-строителей и архитекторов по профессии. Все свободное время «трудились» в поте лица... В устоявшийся и всем надоевший быт вносило разнообразие то или иное неординарное событие. Так, в одну из летних ночей на территорию лагеря забрел лось. Двухметровый красавец застрял в проеме забора. О происшествии говорили много и долго. 84

Все это примеры более или менее невинного характера. К сожалению, случались и трагические истории. Слабые духом и телом, не сумевшие вписаться в лагерный быт, попадали в зависимость от более сильных. В конце концов кто-то не выдерживал, и тогда наутро в бараке можно было обнаружить труп повесившегося. Особо нервное возбуждение чувствовалось в момент вне-

* Рудольф Петерсхаген, будучи комендантом гарнизона Грейфсвальда, во избежание напрасного кровопролития 30 апреля 1945 года сдал город советским войскам.

запного досмотра личных вещей, который плённые именовали «обириением». Проводился такой досмотр согласно инструкции «О порядке содержания военнопленных в лагерях НКВД» не реже одного раза в месяц. Почти у каждого была какая-то своя сокровенная вещица, и каждый боялся, что именно его «богатство» отнесут к разряду запрещенных. Предметом глухого недовольства и горячего обсуждения среди «своих» становилась любая допущенная в ходе досмотра несправедливость. К примеру, в декабре 1946 года начальник отдела режима и охраны лагеря № 193 присвоил себе 15 рублей, а некто лейтенант Попов — 200 рублей.⁸⁵

Болезненно реагировали пленные на внезапное исчезновение из лагеря кого-либо из своих товарищ, если знали, что за теми не числится никаких военных преступлений. Правда, здесь можно было и ошибиться. Известны, например, факты, когда немецкие генералы годами выдавали себя за рядовых или унтер-офицеров, чтобы скрыть свое прошлое. Время от времени людская молва разносила слухи о том, что того или иного военнопленного перевели в тюрьму. Сразу же разгорались дебаты, как подобные действия согласуются с Женевской конвенцией, насколько это правомерно вообще. Вопрос этот мучил, по-видимому, не только обитателей лагерных бараков, но и некоторых военных прокуроров. Последние в 1946 году все чаще стали требовать от администрации лагерей мотивированного обоснования в изменении режима содержания военнопленных. Пришлось ГУПВИ НКВД СССР подключать себе на помощь Главного военного прокурора. В результате заместитель начальника ГУПВИ А. З. Кобулов 19 июня 1946 года довел до сведения подчиненных: «Разрешается изменять режим содержания военнопленных, если они представляют оперативный интерес, и переводить из лагеря в тюрьму». Ниже приводился дословный текст телеграфного распоряжения Главного военного прокурора Вооруженных Сил СССР генерал-лейтенанта юстиции Н. П. Афанасьева. Тот требовал от коллег на местах не вмешиваться в действия сотрудников НКВД, ибо установление более строгого режима для пленных — сфера их компетенции и не требует «специальных санкций военных прокуроров». Такие санкции признавались возможными только в том случае, если военнопленный совершал какое-либо уголовное преступление в лагере или в местах работ.⁸⁶

Поводом для недовольства могли послужить и встречавшиеся ограничения свободы отправления религиозных культов, незаконно произведенные с точки зрения военнопленных удержания из заработной платы, лишение права переписки с родными за допущенное нарушение лагерного режима. На этом пыталась сыграть антисоветски настроенная часть обитателей лагерных бараков, которая свои враждебные выходки старалась приурочить

к «красным датам» советского календаря. Начальник лагеря № 150 приказом от 22 октября 1946 года предупреждал личный состав: «Отмечается активизация враждебных элементов. Могут быть провокационные действия...» Исходя из предшествующего опыта, руководитель указывал, что не исключена возможность побегов, вывешивания и написания антисоветских лозунгов, попыток осуществить массовое отравление через работающих на пищеблоке пленных и т. п. Приказом предлагалось перейти на усиленную охрану и наблюдение с 3 по 10 ноября.⁸⁷

И все-таки подавляющее большинство немецких военнопленных отличала дисциплинированность и желание следовать строго установленным порядкам. Отношения с личным составом складывались на здоровой основе, особенно с обслуживающим персоналом. И сегодня в Советском Красном Кресте по прошествии стольких лет можно встретить письма из Германии, в которых содержится просьба разыскать того или иного бывшего работника лагеря с тем, чтобы выразить свою признательность.

В послевоенный период у пленных появилась возможность встречаться в местах работ с местными жителями. Некоторые из этих жителей, не помня зла, сочувственно относились к недавним врагам и даже делились с ними кое-какими продуктами из своих небогатых запасов. Порой просто знакомством дело не ограничивалось. Один из военнопленных лагеря № 193 подал начальству заявление с просьбой разрешить ему вступить в законный брак с женщиной из близлежащей деревни. И хотя случай этот был не из разряда особо криминальных, контроль за контактами пленных с местным населением был усилен.⁸⁸

Гораздо более серьезным нарушением считались внеслужебные связи с лагерной обслугой или медперсоналом. Что греха таить, почти все пленные мечтали поскорее очутиться на родине. Наиболее «предприимчивые» старались не упустить любой шанс для достижения заветной цели. Так, вскоре после войны у одного из лагерных медиков, сопровождавших репатрируемых в Германию, было обнаружено письмо. Его автор сообщал родне, что сумел завоевать расположение врача лазарета, и та перевела его на группу инвалидности. В связи с выпавшей удачей «счастливчик» выражал небезосновательную надежду в ближайшее время оказаться дома.⁸⁹

Согласно установленным правилам военнопленные имели право направлять на родину одно письмо раз в месяц и получать неограниченное число писем от родных. Писать разрешалось не более 25 слов, в дальнейшем — 50 слов. Вся переписка подлежала цензуре политконтроля особого лагерного отделения. Изъятию подлежала корреспонденция, содержавшая военную или государственную тайну. Однако на практике нежелательными признавались

и письма, в которых встречались скрытые намеки на неудовлетворенность лагерными порядками, на плохое питание и медицинское обслуживание. На конфискованную корреспонденцию составлялся специальный акт, который вместе с письмом подшивался в учетное дело военнопленного. 90

Первые два года войны вся трудовая деятельность обитателей лагерных бараков протекала за колючей проволокой. Военнопленные занимались благоустройством территории, осуществляли ремонт собственных жилищ и инвентаря, использовались на работах в прачечной, вещевом складе и в других подсобных помещениях. Согласно «Положению о военнопленных» старшие офицеры и генералы могли привлекаться к труду только на добровольных началах. Однако те, кого томил «праздный образ жизни», кто связывал с добросовестным трудом надежды на досрочное освобождение, не спешили воспользоваться предоставленными привилегиями. С другой стороны, не пожелавшие пойти в «услужение к большевикам», щеголяли в мундирах с фашистскими регалиями на груди (ношение орденов и медалей было запрещено только в 1945 года по специальному решению международного суда в Нюрнберге) и всем своим видом демонстрировали пренебрежение к «предателям», взявшимся за топор или лопату.

В апреле 1943 года привычный режим лагерного быта был нарушен. В директиве начальника УПВИ НКВД СССР генерал-лейтенанта А. И. Петрова говорилось, что «наряду с обеспечением изоляции военнопленных» необходимо «организовать трудовое использование их по специальным заданиям». К таковым была отнесена работа на стройках других наркоматов СССР. Предлагалось срочно провести медицинское освидетельствование лагерного контингента на предмет определения пригодности к физическому труду. Устанавливались три группы работоспособности: годен без ограничения, ограниченно годен, не пригоден (инвалид). Отправке в места назначения в первую очередь подлежали те, кто до войны имел строительную специальность. Прибывших ждали трудовые лагеря, о непрятательности и простоте которых уже было сказано выше. В директиве четко оговаривалось, что рабочий день военнопленного не должен превышать 8 часов, в месяц предоставлялось не менее 3-х выходных, заработка плата выдавалась на руки только через администрацию лагеря с учетом вычетов за содержание. Оплата за выполненную работу производилась согласно расценкам, установленным для рабочих СССР в том или ином климатическом поясе. 91

Как свидетельствуют архивные документы, военнопленные широко использовались на строительстве промышленных объектов, больничных корпусов, жилых и административных зданий, реконструкции гидроооружений, восстановлении разрушенных

шахт, прокладке железнодорожных путей и автомобильных дорог, на лесоповале. Думается, назрела необходимость в специальном исследовании, которое бы объективно и беспристрастно дало ответ на вопрос о вкладе многотысячного отряда немецких и других иностранных военнопленных в восстановление разрушенного войной народного хозяйства СССР. Не секрет, что в исторической литературе у нас на этот счет нет никаких сведений. Будет справедливо при оценке трудовых достижений производственных коллективов, тех или иных министерств и ведомств, где в годы войны и в послевоенный период использовался труд военнопленных, делать оговорку, что такой-то процент от общего объема выполненных работ падает на лагерный контингент. Трудовой подвиг советского народа в годы военного лихолетья и послевоенной разрухи от этого нисколько не померкнет, а вот разного рода инсинуаций на этот счет после воссоздания истинной картины событий явно поубавится.

Принципиальное значение имеет вопрос о том, насколько добровольно трудились немецкие военнопленные в народном хозяйстве СССР, не имел ли их труд под угрозой наказания изнурительный, рабский характер. Не располагая возможностью в рамках настоящей брошюры подробно проанализировать названную проблему, обратимся лишь к двум, достаточно симптоматичным примерам. В качестве первого возьмем данные о выполнении ежедневных средних норм выработки военнопленными трех лагерей в первом квартале 1948 года.

Лагерь	150	158	437
План в рублях	10—00	12—00	11—00
Фактическое выполнение	10—52	13—51	13—68
Процент выполнения	105,2	112,5	124,3

Как видно из таблицы, фактическая норма выработки на одного военнопленного превышает плановые цифры.⁹²

Другим примером служит заявление, сделанное 8 ноября 1944 года группой немецких генералов и офицеров в лице командира 376 пд Эдлера фон Даниельса, командира 14 тк Хельмута Шлеммера и еще шести человек. В заявлении говорилось: «На протяжении почти двух лет мы имели возможность ознакомиться с различными лагерями... Работа военнопленных на вредных производствах не допускается. Рабочий день длится обычно 8—9 часов; в воскресенье, как правило, не работают. Состояние здоровья военнопленных вполне хорошее. Военнопленные, работающие на русских предприятиях, получают специальные, часто до-

вольно значительные продовольственные пайки». 93 Конечно, есть в этом заявлении элемент пропаганды, однако в целом оно отражает, на наш взгляд, действительную картину событий.

Проблема медицинского обслуживания

Проблема медицинского обслуживания немецких военнопленных в СССР, видимо, рано или поздно примет дискуссионный характер. Дело в том, что в довольно широком спектре оценок и выводов, сделанных зарубежными историками, можно встретить утверждение: раненые и больные военнослужащие Германии были лишены в советском плену элементарной медицинской помощи, тысячами умирали от дистрофии и инфекционных заболеваний. Гораздо более сдержанную картину рисуют наши архивные документы и свидетельства очевидцев прошлого. Однако не будем опережать события и обратимся прежде всего к начальному периоду войны.

Уже через несколько дней после гитлеровского вторжения стало ясно, что концепция ведения войны «малой кровью» не оправдывается. Наоборот, обильно лилась кровь с нашей стороны, медсанбаты и полевые госпитали были переполнены ранеными. В такой критической обстановке Совнарком СССР утвердил в «Положении о военнопленных» следующий пункт: «Военнопленные в медико-санитарном отношении обслуживаются на одинаковых основаниях с военнослужащими Красной Армии». 94 Санитарное управление РККА во главе с Е. И. Смирновым поспешило подготовить на этой принципиальной основе соответствующие инструкции, которые были доведены до сведения санитарных отделов фронтов и армий. 20 июля 1941 года заместитель начальника устройства тыла и снабжения Генштаба РККА и начальник Санитарного управления РККА подписали директиву, в которой «предлагалось» не задерживать раненых солдат и офицеров противника в медицинских частях и учреждениях войскового и армейского районов, а немедленно эвакуировать их в тыл. Именно этой директивой было положено начало организации специальных госпиталей для военнопленных. Каждый военный округ должен был развернуть один такой госпиталь. Охрану же находящихся в них вражеских солдат поручалось обеспечить комендантам городов, а там, где таковых не было,—начальникам гарнизонов. 95

Пока войска вермахта победной поступью шли по нашей земле, число раненых и больных военнопленных было невелико. Так, к 10 августа 1941 года в госпиталях Московского военного округа содержалось 22 человека. Северо-Кавказский военный округ докладывал о наличии на лечении всего двух немецких солдат.

А если судить, к примеру, по донесениям из Ташкента и Новосибирска, то получается, что в соответствующих военных округах раненых и больных неприятельской армии не было вовсе.⁹⁶

Ситуация в корне изменилась с переходом стратегической инициативы в руки командования Красной Армии. Требование директивы от 20 июля 1941 года не задерживать раненых и больных военнопленных в войсковом и армейском районах оказалось практически невыполнимым, и ряд госпиталей фронтового подчинения пришлось перевести на обслуживание противника. В ноябре 1944 года Главное военно-санитарное управление дополнительно выделило на эти цели свыше 61 тысячи штатных коек.⁹⁷ Кроме того, возникла необходимость существенно увеличить количество спецгоспиталей, передать их в распоряжение НКВД СССР и поручить охрану раненых военнопленных конвойным войскам этого ведомства. В результате только на территории Вологодской области, входившей в состав Архангельского военного округа, приступило к работе четыре лечебных учреждения соответствующего назначения. Наконец, в марте 1945 года при ГУПВИ НКВД был создан специальный санитарный отдел, который возглавил генерал-лейтенант медицинской службы Я. М. Зетилов.

На завершающем этапе войны количество раненых и больных военнопленных стало увеличиваться буквально с каждым днем. Если на 15 января 1945 года в медицинских частях и учреждениях, к примеру, 2-го Белорусского фронта находилось 155 немецких солдат и офицеров, то уже к 20 февраля—5134, к 15 марта—7763, а к 20 апреля была зафиксирована цифра 14178 человек.⁹⁸ Изменившаяся обстановка неизбежно повлекла за собой появление новых форм организации медицинской помощи. Так, в марте 1945 года командование приняло предложение начальника санитарного управления фронта К. М. Жукова развернуть в ходе боевой операции госпиталь-лагерь на 20 тысяч мест. О характере и некоторых сторонах предстоявшей работы весьма красноречиво свидетельствует произведенный расчет сил и средств. Для обслуживания пленных немцев планировалось выделить: батальон охраны; 20 грузовых машин; 30 тысяч метров пригодного на перевязки материала; 20 тысяч пар белья; необходимый комплект кухонной и столовой посуды. Кроме того, предлагалось усилить оперативную группу «СМЕРШ» при эвакоприемнике и направить в распоряжение госпиталя-лагеря политработников, владеющих немецким языком.⁹⁹

Впрочем, такая заблаговременная подготовка к медобслуживанию противника иногда не проводилась. После взятия Кенигсберга войсками 3-го Белорусского фронта выяснилось, что санитарное управление фронта не способно организовать массовый

прием раненых: не были своевременно выделены для этих целей личный состав, материальные средства для развертывания госпиталей. Между тем в медицинской помощи нуждалось более 10 тысяч человек.¹⁰⁰

После капитуляции Германии согласно отчетам с мест во фронтовых госпиталях находилось 120 тысяч немецких военнопленных. Почти в каждом госпитале наблюдалась значительная перегрузка. В такой ситуации очень кстати оказалось поступившее из Москвы распоряжение: «Весьма срочно. Верховный Главнокомандующий Генералиссимус Советского Союза товарищ Сталин разрешил передачу из госпиталей Красной Армии местным органам власти военнопленных немцев-инвалидов, не нуждающихся в дальнейшем госпитальном лечении, неспособных к физическому труду. Приступите немедленно к передаче указанных контингентов».¹⁰¹ Это распоряжение начальник санитарного управления 1-го Белорусского фронта А. Я. Барабанов переадресовал своим подчиненным 4 июля 1945 года, а уже к 22 июля местным органам самоуправления было передано 2346 человек.¹⁰² То же самое делалось госпиталями других фронтов, расквартированных на территории Германии. Одновременно санитарное управление группы советских оккупационных войск в Германии, которое возглавил генерал-лейтенант медицинской службы М. М. Гурвич, проделало большую работу по отправке в СССР 100 тысяч бывших солдат вермахта. Согласно плану медико-санитарного обслуживания производился отбор главным образом тех, кто был способен к физическому труду. На каждый эшелон выделялся вагон-изолятор, который обслуживали один врач и один фельдшер.¹⁰³

В послевоенный период центр тяжести медицинского обеспечения немецких военнопленных постепенно перемещается на территорию СССР. Изменяется и сам характер работы: хирургические операции в сравнении с терапевтическим лечением составляют незначительный процент и связаны прежде всего с хирургическими вмешательствами по поводу трудовых и бытовых травм, членовредительства, язвенной болезни, аппендицита и т. д. Гораздо чаще в лагерях можно было встретить страдающих терапевтическими и инфекционными заболеваниями, среди которых наибольший процент падал на туберкулез и болезни желудочно-кишечного тракта.

В высшей степени актуальным представляется вопрос о том, насколько добросовестно исполняли советские медики свой профессиональный долг в отношении немецких военнопленных. Действительно, не чуждое людям в белых халатах чувство законной ненависти к врагу может породить определенные сомнения на

этот счет. Тем более, что оснований для такой ненависти было достаточно. Особый гнев и возмущение в медицинских кругах вызвали подробности чудовищной расправы фашистских летчиков над госпитальным судном «Сибирь» с ранеными красноармейцами, женщинами и детьми на борту, опубликованные в печати в августе 1941 года. Окончательно рассеялись все иллюзии по поводу того, что Германия будет безоговорочно соблюдать Женевскую конвенцию о раненых и больных. В контексте сказанного становится понятной озабоченность начальника тылового госпиталя П. В. Угрюмова, коллектива которого перешел на обслуживание немецких военнопленных. «Внезапный переход к необычной работе потребовал перестройки сознания людей на необходимость добросовестного лечения врагов, причинивших столько горя и страданий нашей Родине», — писал он в своем отчете.¹⁰⁴

Как бы ни трудно проходила психологическая ломка, гуманизм и милосердие все равно брали верх. Валентина Тимофеевна Миленина, в годы войны начальник медицинской части госпиталя в поселке Камешково под Суздалем, вспоминает, с каким глухим ропотом воспринял коллектив приказ о том, что с завтрашнего дня личный состав будет обеспечивать лечение пленных из армии Паулюса. Но уже через несколько часов медики этого госпиталя делали буквально все, чтобы спасти вражеских солдат от свирепствовавшего тифа. При этом тяжело заболели врачи Лидия Соколова и Софья Киселева, сама Валентина Тимофеевна, медицинские сестры, переводчик Арон Рейтман. Несколько человек из медперсонала погибли от тифа.¹⁰⁵

Подвергая себя смертельной опасности, действовала группа медиков во главе с начальником полевого эвакопункта Н. П. Лидовым. После капитуляции гитлеровских войск под Сталинградом Военный совет 64-й армии поручил этой группе разыск раненых, обмороженных и больных тифом немецких солдат. Обессилевшие, они были обречены на смерть в разрушенных зданиях города. Более 9 тысяч человек все же удалось разыскать и разместить в госпиталях. Спасая военнопленных, 16 наших медиков погибли, что лично удостоверил немецкий генерал Отто Корфес.¹⁰⁶

Можно привести и другие свидетельства из стана противника. Уроженец Левенберга Герхард Шенеман писал: «Я очень ослаб в результате болезни, и мне было сделано два вливания крови, которую дала медсестра. Я почти не верил, что советская девушка дала свою кровь, чтобы спасти военнопленного, солдата нацистской армии, которая опустошила и ограбила ее страну, убивала советских граждан и советских военнопленных. Я не думаю, что-

бы, какая-нибудь немка медсестра когда-нибудь давала свою кровь, чтобы спасти жизнь русского военнопленного». 107

Несомненно, самое благотворное влияние на ход лечебного процесса оказывало то обстоятельство, что к медицинскому обслуживанию своих соотечественников привлекались немецкие врачи. Это снимало возможные барьеры непонимания между лечащим и больным, позволяло общими усилиями более точно поставить верный диагноз. Кроме того, пленные из числа рядового состава нередко использовались в качестве санитаров. Естественная для каждого больного стеснительность при некоторых неприятных процедурах, таким образом, сводилась к минимуму.

Косвенным подтверждением того, что подавляющее большинство советских медиков честно исполняло свой профессиональный долг по отношению к военнопленным, можно считать служебные характеристики личного состава госпиталей. Про санитарку спецгоспиталя № 1825 Татьяну Алексеевну Миронову сказано: «За весь период работы не имеет ни одного замечания. Пользуется большой любовью и уважением среди тяжелобольных». Подобные характеристики не единичны. К сожалению, встречались факты и бездушного отношения к пациентам. Так, врач амбулатории при лагере № 193 некто Черепанова грубо обращалась с больными, за что была предупреждена командованием. 108

Архивные документы, среди которых следует выделить медицинские отчеты начальников спецгоспиталей, недвусмысленно свидетельствуют: обеспечение военнопленных лечебными процедурами, лекарственными препаратами, питанием осуществлялось по тем же самым нормам, что и военнослужащих Красной Армии. Вот только несколько примеров. В декабре 1944 года в спецгоспиталь № 1825 поступило 445 немецких военнослужащих, в основном больных. Все прибывшие прошли соответствующую санобработку, предусмотренные специальной инструкцией прививки. Нуждающиеся регулярно пользовались такими физиопроцедурами, как кварц, солюкс, диатермия, торфолечение. Было сделано 17 хирургических операций, 368 человек прошли рентгеноскопию. 109

Исключительно тяжелый контингент поступил в августе 1944 года в дислоцировавшийся на Украине госпиталь № 3296. В отчете говорится: «...Через санитарную обработку прошло 5000 немецких военнопленных. Из них 25 процентов тяжелобольных. У поступивших отмечается 100-проц. завшивленность, у 50 проц. отмечены черви в ранах». 110 Тем не менее, медики постарались сделать максимум возможного для лечения раненых и больных. Было сделано 75 операций, прооперированным производилось переливание крови. Регулярно делались перевязки и другие процедуры, больные своевременно получали лекарства. В доку-

менте отмечается: «Снабжение медикаментами в течение отчетного месяца проходило нормально... Перебоев в продуктах питания не было. Меню составлялось ежедневно. Питание проводилось по 4-м столам». 111

Объективности ради следует сказать, что в госпиталях фронтового подчинения, занятых обслуживанием военнопленных, лечебный процесс нередко страдал из-за отсутствия медикаментов, случались перебои с доставкой продовольствия. Нормы нормами, но предпочтение в условиях дефицита того и другого службы тыла, по вполне понятным причинам, отдавали госпиталям, в которых находились наши бойцы.

В более благоприятное положение попадали военнопленные, очутившись в спецгоспиталях тылового района. Здесь нормы питания больных, утвержденные специальным приказом Наркома внутренних дел СССР, в основном выдерживались. Находящиеся на излечении ежедневно должны были получать: хлеба ржаного 400 г, хлеба пшеничного 72-процентного помола—200 г, круп разных—70 г, макаронных изделий—20 г, мяса—80 г, рыбы—50 г, жиров животных—30 г, жиров растительных—10 г, картофеля—300 г, овощей разных—200 г, молока свежего—200 граммов. 112 Кроме того, при многих тыловых госпиталях, перешедших на обслуживание военнопленных, имелись подсобные хозяйства, что являлось существенной прибавкой к рациону больных.

Особого внимания заслуживает вопрос о смертности немецких военнопленных. Ссылаясь на зарубежные источники, известный немецкий писатель Генрих Бёлль приводит следующие данные: смертность среди военнослужащих вермахта в советском плену колебалась в пределах 35,2—37,4 процента, что в абсолютных цифрах составляет от одного миллиона ста тысяч до одного миллиона ста восемьдесят пяти тысяч. 113 Цифра несомненно завышена. Историк В. П. Галицкий в результате своего исследования пришел к выводу, что за период с 22 июня 1941 г. по 23.12.1956 г. в советском плену умерло 580548 немцев, японцев, венгров, румын, австрийцев и представителей других национальностей. 114 Не исключено, что источники НКВД—МВД СССР, на которые опирается В. П. Галицкий, в свою очередь, занижали процент летального исхода. К такому заключению можно прийти, обратившись опять же к медицинским отчетам начальников госпиталей. Так, в отчете спецгоспиталя № 5091 говорится: «...Все военнопленные из лагеря 158 прибывали в крайне истощенном состоянии. 14 января 1945 г. поступило 258 человек, умерло 90 человек. Прибыло 10 февраля 100 человек, умерло 62. Прибыло 17 февраля 20 человек, умерли все. Высокий процент смертности объясняется тем, что лагерь направлял наиболее тяжелых

дистроиков, у которых болезнь перешла уже в необратимую форму». 115 Увы, подобных отчетов было немало.

Гораздо хуже, чем в спецгоспиталях, было поставлено медицинское обеспечение и питание военнопленных в ходе эвакуации в тыловые районы. На этот счет командованием Красной Армии и НКВД СССР были приняты специальные приказы и директивы, в частности, приказ начальника тыла Красной Армии «Об устранении недочетов в эвакуации военнопленных и их обеспечении». Тем не менее, высокая смертность при многокилометровых и продолжительных эвакоперевозках была не редкостью. В акте приемки раненых немецких солдат, прибывших в одном из эшелонов с территории Германии в г. Череповец, отмечается: «...Поступившие 74 человека находятся в очень тяжелом состоянии, а именно: военнопленные не могли держаться на ногах, падали, один был принят уже умершим, четверо других умерли в течение ночи. Сразу же было предположено, что многие из них в ближайшее время скончаются». 116

Думается, что окончательно делать какие-либо выводы о масштабах смертности немецких военнопленных в СССР пока еще рано. Необходимо дальнейшее освоение фактологического материала, сравнительный анализ данных самых различных источников. Видимо, свое слово должны сказать военные статистики, специалисты в области медицины. Наконец, трудно переоценить пользу, которую может принести профессиональное сотрудничество советских и зарубежных исследователей в разрешении как этого принципиального вопроса, так и проблемы немецких военнопленных в СССР в целом.

Оперативно-розыскная работа и осведомительная сеть

Еще 8 октября 1939 года, согласно директиве Л. П. Берия, во всех лагеря, где к этому времени находились тысячи польских солдат и офицеров, были созданы оперативно-чекистские отделения. Такие отделения предназначались «для выявления среди военнопленных контрреволюционных формирований и освещения настроений военнопленных». В этих целях в лагерях создавалась сеть осведомителей из числа находящихся за колючей проволокой и дополнительно—из аппарата лагеря и охраны. 117 Одним словом, определенный опыт работы с лагерным контингентом у сотрудников оперативно-чекистских отделений к началу Великой Отечественной войны уже был. Правда, задачи стали несравненно сложнее, что потребовало привлечения дополнительных сил. В начале 1943 года из органов армейской контрразведки в лагеря военнопленных пришло немало опытных работников.

Среди тех, кто попадал за колючую проволоку, были носители важной информации—военно-стратегической, политической, тактической, экономической, технической. Это могли быть работники генштаба, сотрудники гестапо и служб безопасности, командированные в расположение немецких частей представители министерства иностранных дел и государственного аппарата третьего рейха. Необходимо было детально выявить связи таких пленных, осуществить проверку и обработку полученной от них информации. Вот что пишет о первых днях своего пребывания в лагере уже упомянутый Отто Рюле: «В самом начале каждому немецкому пленному выдали анкету со множеством вопросов. Иногда чья-нибудь анкета интересовала представителя НКВД, и тогда пленного приглашали на особые беседы... Как я успел заметить, НКВД интересовалось прежде всего офицерами разведки, высших штабов или же частей, которые совершили какие-нибудь преступления».¹¹⁸

Тщательно скрывали свое прошлое те, кто совершил гнусные злодеяния на советской земле. В Сузdalском лагере выдавал себя за рядового Райнера унтерштурмфюрера СС Вольфганг Деринг. Будучи разоблаченным, он цинично заявил на допросе: «Вы обвиняете меня в убийстве людей? Это ложь. Людей я не убивал. Я уничтожал недочеловеков, главным образом—евреев и вспоминаю об этом с гордостью. Жалею об одном—мало уничтожил».¹¹⁹

Вместе с Вольфгангом Дерингом содержался в лагере и полковник барон Эдуард фон Засс. Был он «душой общества», не гнушался работой в столярных и портновских мастерских, активно участвовал в концертах самодеятельности. Распознать его истинное лицо сотрудникам оперативно-чекистского отделения тогда не удалось. Позже стало известно, что барон, исполняя обязанности коменданта города Великие Луки, руководил казнями пленных красноармейцев, приказывал сжигать дома вместе с запертymi в них советскими людьми, не считал зазорным лично покончить с очередной жертвой. Состоявшийся суд приговорил убийцу и карателя к высшей мере наказания.¹²⁰

Довольно часто в адрес оперативников поступала информация из Москвы, требующая особой проверки. Так, компетентные органы чрезвычайно заинтересовал бывший подполковник германской армии Либе Ашунд Мартин. В связи с этим в лагерь № 437 поступила следующая ориентировка: «...Разыскивается бывший начальник штаба 206 пехотной дивизии подполковник Либе (других данных нет), которому известны подробности о разведывательной деятельности отдела «I-Ц» 206 пехотной дивизии. Не исключена возможность, что установленный в лагере № 437 подполковник Либе А. М. является интересующим нас ли-

цом». 121 Конечно же, после получения такого документа названному военнопленному было уделено соответствующее внимание.

Серьезные трудности в работе оперативников создавала хроническая нехватка военных переводчиков. Открытые на базе педагогических институтов иностранных языков факультеты по их подготовке только частично уменьшили остроту проблемы. К сожалению, уровень профессионализма вчерашних выпускников не всегда отвечал предъявляемым требованиям. Между тем каждый переводчик обязан был отлично знать организацию Германской армии, иметь полную осведомленность о личных документах солдат и офицеров вермахта, квалифицированно владеть техникой допроса пленных. При этом он не имел права забывать, что «является одновременно разведчиком» и «должен сосредоточить внимание на главном и основном». 122

Выявить военного преступника, сотрудника германской разведки, да и любого другого пленного, скрывающего свое подлинное лицо, только путем допроса, пусть даже с привлечением опытного переводчика, очень и очень сложно. Нужны факты, малозначительные, на первый взгляд, детали из личной биографии подозреваемого, чтобы добиться успеха. То, что пленный по вполне понятным причинам утаил на допросе, он может случайно обронить в быту, в доверительной беседе с кем-то из своих единомышленников. Вот почему в каждом лагере создавалась тщательно законспирированная осведомительная сеть. Кроме того, через нее администрация лагеря узнавала о настроениях среди военнопленных, готовящихся побегах, провокационных выпадах и иных неблаговидных действиях и намерениях.

- Наиболее ценными помощниками были пленные, занявшие антифашистскую позицию и рассматривающие работу осведомителя, как посильный вклад в борьбу с нацизмом. Бывший начальник оперативно-чекистского отделения лагеря полковник Н. И. Пузырев пишет, что «о настроении и поведении генералов, иногда—об их намерениях и действиях» становилось известно через солдат хозяйственной роты, объединившихся в «хорошо организованную антифашистскую группу». 123 Так, однажды была предпринята попытка сообщить в Германию местонахождение лагеря, который располагался в Войково. Инициатор этой акции, бывший командир 76-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Роденбург, надеялся таким образом заполучить от соответствующих служб третьего рейха листовки и другие материалы. Им, загодя, были заготовлены письма в адрес международного Красного Креста, посольство Швейцарии в Москве и в столицу республики немцев Поволжья город Энгельс. На каждом конверте стояла пометка «Немец—немцу». Опустить письма в почтовый ящик

проходящих поездов должен был расконвоированный немецкий солдат, как казалось Роденбургу, надежно им «завербованный». Наивная, в общем-то, попытка не увенчалась успехом, ибо об этом сразу же стало известно оперативникам. «Долгое время,— пишет Н. И. Пузырев,— Роденбург ничего не знал о судьбе своих писем. Мы старались выяснить, действует ли он в одиночку или в сговоре с кем-либо из генералов». 124

Иногда в число осведомителей старались попасть пленные, преследующие явно корыстные цели. Так, в Сузdalском лагере предложил свои услуги ранее сотрудничавший с гестапо Эрих Цильке. Этот «эксперт» по выявлению еврейской крови отправил в газовые камеры не одну сотню человек. Сейчас же он грозился «вывести на чистую воду» Паулюса, если ему будет поручено быть при фельдмаршале уборщиком или официантом. В обмен на «помощь» Цильке требовал ни много ни мало—обещания не привлекать его к суду за прежние грехи. Естественно, что к услугам негодяя прибегать никто и не думал. 125

В осведомители шли пленные, надеявшиеся получить за свои услуги какие-то льготы, прежде всего—в питании. Однако решить эту проблему можно было только за счет других военнопленных. Попытка узаконить поощрение была предпринята в конце января 1945 года. Заместитель начальника ГУПВИ НКВД СССР адресовал наркомам внутренних дел союзных и автономных республик, начальникам УНКВД краев и областей страны просьбу выделить на спецпитание дополнительные фонды из местных ресурсов. 126

Осведомители были не только среди пленных, но и среди лагерного персонала, а также в спецгоспиталях. Одной из задач, которую они довольно успешно решали, являлось предотвращение хищений продуктов, обмундирования, медикаментов и прочего имущества. В конечном итоге их эффективная работа способствовала улучшению положения тех же самых военнопленных. Так, в спецгоспитале № 5091 с помощью одного из осведомителей была пресечена преступная деятельность хозяйственника Альтшуллера. Используя свое служебное положение, последний неоднократно выносил с территории больничного городка продукты, предназначенные для общего стола. 127

Достаточно мощной была осведомительная сеть не только в годы войны, но и в послевоенный период. Ее масштабы можно проиллюстрировать на примере лагеря № 158 в г. Череповце. Общее количество пленных в июле 1947 года составляло примерно полторы тысячи человек. Число осведомителей к началу месяца—181, дали согласие на сотрудничество—3, убыло в другие лагеря—2, прибыло из других лагерей—6. Несмотря на командировки работников, нехватку переводчиков, в течение отчет-

ного месяца с помощниками из лагерного контингента состоялось 266 встреч, поступило 197 донесений.¹²⁸

Сегодня, когда немало написано о царившей во времена сталинщины шпиономании и всеобщей подозрительности, может возникнуть вопрос: насколько обоснованно функционирование такого многочисленного института осведомителей?

Очевидно, что объем оперативно-розыскной работы в послевоенный период не уменьшился. Контрольный совет четырех держав, созданный для осуществления верховной власти в Германии, 20 декабря 1945 года принял Закон, который определил виды и состав военных преступлений. В частности, к ответственности привлекались лица, виновные в уничтожении военнопленных и мирных жителей на территории Германии и других оккупированных стран Европы. В связи с этим в адрес оперативников все чаще поступают документы примерно следующего содержания: «Прокуратурой Союза ССР подготавливается в Берлине судебный процесс над немецко-фашистскими преступниками—бывшими работниками концлагеря «Заксенхаузен» в Германии.* По имеющимся данным часть из них находится в лагерях МВД среди военнопленных и свою службу в концлагере «Заксенхаузен» скрывает. В связи с этим разыскиваются...»¹²⁹

Далее перечисляются фамилии и имена преступников, их анкетные данные и справка учетного стола ГУПВИ НКВД СССР на военнопленных, которые предположительно могли скрывать свое подлинное лицо. Так, например, в лагере № 437 проводилась проверка некоего Зауэра Карла Августовича. Выяснилось, что никакого отношения к начальнику лагеря «Заксенхаузен» капитану СС Зауэру этот человек не имеет. Однако интенсивный поиск преступника шел в это же самое время и в других лагерях.¹³⁰

Нельзя забывать и о том, что в послевоенный период среди пленных было еще немало тех, кто по различным мотивам продолжал оставаться непримирым врагом Советского государства. Работая на стройках народного хозяйства и промышленных предприятиях, такие лица были способны на различного рода диверсии. К примеру, весной 1946 года некто Г. Ф. Гехт вывел из строя растворный узел на кирпичном заводе в Новосибирске. В лагере № 199 немецкие врачи направляли в лазарет мнимых больных и в результате внесли дезорганизацию в выполнение производственного задания.¹³¹ На все эти, на первый взгляд, ма-

* Лагерь «Заксенхаузен» являлся школой и центром концлагерной системы, где проходили подготовку эсэсовские офицеры и наиболее проверенные младшие чины. Из более чем 200 тыс. узников этого лагеря свыше 100 тысяч человек погибло.

лозначительные факты можно посмотреть совершенно иными глазами, если вспомнить, каких немоверных усилий стоил СССР каждый послевоенный пуд хлеба, каждая послевоенная тонна металла и угля.

Вместе с сотрудниками оперативно-чекистских отделений осведомители предупреждали факты симуляции и членовредительства, предотвращали планировавшиеся побеги. Наконец, они в немалой степени способствовали нейтрализации усилий подпольных групп, возглавлявшихся профашистски настроенными офицерами, помогали раскрывать преступления, совершенные на территории лагеря и в местах работ.

Формирование антифашистского актива

Уже в самом начале Великой Отечественной войны пленных немецких солдат и офицеров стали привлекать к агитационно-пропагандистской работе среди войск противника. 27 июня 1941 года появилась первая листовка военнослужащего 222-го полка 75-й дивизии Альфреда Лискофа. Как известно, он в числе первых перебежчиков переплыл Буг и сообщил советским пограничникам о предстоящем нападении Германии на СССР. Однако как эта, так и другие листовки начального периода войны, призывающие немецких солдат проявить братскую солидарность с трудовым народом Страны Советов, не достигали цели. Нацистская психология глубоко укоренилась в сознании подавляющего большинства немцев. В 1943—1944 гг. среди немецких военно-пленных, находившихся в СССР, были проведены социологические исследования. При выяснении побудительных мотивов, которые заставляли людей следовать за Гитлером и его кликой, вырисовывалась следующая картина. Более 5 проц. офицеров и 92 проц. опрошенных солдат в анонимной анкете указали, что они были увлечены идеей «национального величия», а 25 проц. офицеров и 48 проц. солдат — идеей реванша. К тому и другому массовое сознание оказалось наиболее восприимчивым. Кроме того, от 50 до 60 проц. опрошенных одобрили «ликвидацию безработицы», осуществленную правительством Гитлера. 68 проц. офицеров и 18 проц. солдат в анкете писали, что их привлекла расовая теория нацистов. Наконец, страх перед возможными репрессиями, послушную покорность, конформизм, в качестве причины, обратившей опрошенных в «нацистскую веру», назвали 65—70 проц. офицеров и 61—67 проц. солдат.¹³²

Почти три миллиона военнослужащих вермахта состояли членами национал-социалистической партии. То обстоятельство, что на время войны они утрачивали право на членство в ее рядах, сторона чисто формальная, не меняющая существа дела.

Между тем политорганы Красной Армии в начале гитлеровского вторжения продолжали находиться под гипнозом известного тезиса: если империалисты развязнут войну против первой в мире страны социализма, то пролетариат напавшей стороны неминуемо повернет оружие против своих же буржуазных правительств. Заместитель начальника Главного управления упрекал политработников фронтов и армий в том, что они не выполняют приказ о предоставлении Москве документов, свидетельствующих о пролетарской солидарности германских рабочих с трудящимися СССР. Директива предлагала искать записки и листовки соответствующего содержания в неразорвавшихся немецких бомбах, на колючей проволоке заградительных сооружений и т. д.¹³³

Не отличались эффективностью воздействия и первые печатные издания, призванные деморализовать противника. Так, в августовском номере «Солдатской газеты» была помещена фотография трех пленных, усердно читающих советскую прессу на немецком языке. На первой полосе крупным шрифтом набрано: «Два месяца войны уже стоили Германии двух миллионов мужчин»: ¹³⁴ Думается, в стране противника подобная идилическая «картинка», да и чрезмерно преувеличенная информация о потерях могли вызвать в лучшем случае только снисходительную улыбку.

Постепенно качество спецпропаганды улучшилось. Более броскими, задевающими за живое становятся листовки-обращения пленных к солдатам-соотечественникам. Так, осенью 1942 года полит управлением Воронежского фронта в распоряжение врага была переправлена листовка с названием «Письмо могильщика». Ее текст гласил: «Солдаты и офицеры 323-й пехотной дивизии! С 17 июля по 15 сентября я своими руками захоронил на кладбище в Николаевке 620 солдат и офицеров 323-й дивизии. Всего же дивизия потеряла под Воронежем убитыми и ранеными не менее 5000 человек. Вы сами видите, как от рот, батарей, даже полков остаются жалкие остатки. Если так будет продолжаться и дальше, то скоро вся дивизия переселится на кладбище в Николаевке. Во время последних атак русских даже нас, солдат похоронной команды, послали в бой. Зачем эти ужасные жертвы? Подумайте о ваших женах и детях! Кончайте с войной! Переходите в плен! Могу вас заверить, что русские с пленными обращаются по-человечески».¹³⁵

Содержание листовки угнетающее действовало на противника, а фамилия и имя отнюдь не вымышленного солдата похоронной команды не оставляли сомнений в достоверности изложенных в ней фактов.

Политуправления фронтов и армий все чаще стали использовать и такую форму спецпропаганды, как устная газета На грам-

пластинку записывались рассказы пленных об условиях их жизни в советских лагерях и гуманности советских властей, о строгом соблюдении военным командованием Красной Армии Женевской конвенции. Летом 1944 года мощное воздействие на окруженнную западнее Могилева вражескую группировку оказал транслировавшийся через громкоговоритель митинг военнопленных у деревни Озеро. На нем присутствовало более 4-х тысяч немецких солдат, острые дебаты длились в течение трех часов. Буквально сразу же после митинга со стороны немцев показались парламентеры. Командиры трех пехотных дивизий и двух пехотных полков решили принять условия капитуляции и добровольно сложить оружие.¹³⁶

К сожалению, все усилия по пропаганде добровольной сдачи в плен надолго перечеркивали необдуманные, противоправные действия некоторых командиров частей и соединений. Так, перед командиром одной из дивизий 51-й армии Сталинградского фронта была поставлена задача провести разведку боем. «Он быстро организовал удар и легко смял противника, углубился в его оборону,—вспоминает член Военного совета фронта Н. С. Хрущев,—и даже «перевыполнил» план, хотя мы его предупреждали, чтобы он этого не делал: захватил много пленных и расстрелял их. И потом противник это использовал в целях агитации против нас».¹³⁷

Как можно поступать с пленными в аналогичных ситуациях, выяснилось после разговора командующего Сталинградским фронтом А. И. Еременко с И. В. Сталиным. Нарком посоветовал командующему направить захваченных в плен немецких летчиков обратно к Паулюсу с предложением начать переговоры о капитуляции. Прослышавшие об этом работники 7-го отдела Главного политуправления РККА быстро сделали соответствующие выводы. На сборных пунктах и в пересыльных лагерях началась подготовка агитаторов из числа пленных антифашистов, которые затем посыпались во вражеские части. Только в июле 1944 года в район Бобруйского котла было направлено около 200 агитаторов, которые привели с собой 7500 солдат и офицеров вермахта.¹³⁸

Еще в октябре 1941 года в лагере под Рязанью антифашистски настроенные немецкие военнопленные приняли «Декларацию требований германского народа». Разработкой этого документа руководили немецкие коммунисты, в частности, Вальтер Ульбрихт — председатель комиссии Коминтерна по политической работе среди военнопленных. Первоначально декларацию подписали 42 человека, затем еще 116 человек. Поэтому в истории антифашистского движения она стала известна как «Обращение 158». Наша печать довела содержание этого документа до своих чи-

тателей. В декларации совершенно правильно, но, видимо, несколько преждевременно делался вывод: «Есть две Германии, между которыми лежит непроходимая пропасть: Германия страдающих манией величия магнатов, готовых во имя своих эгоистических интересов пожертвовать цветом немецкой молодежи, и Германия немецкого народа, требующего немедленного прекращения войны». ¹³⁹

В ноябре 1941 года в лагерях появилась газета «Дас фрайе ворт» («Свободное слово»), одним из редакторов которой был член политбюро ЦК КПГ Антон Аккерман. Несколько позднее начал выходить еженедельный бюллетень «Жизнь военнопленных в Советской России». На страницах первого издания помещалась информация о положении дел на фронте, воспроизво-дились публикуемые в советской печати приказы и речи И. В. Сталина, шла пропаганда антифашистских настроений, социалистического образа жизни. Второе издание больше внимания уделяло лагерному быту, участию пленных в общественной жизни и соревновании на трудовом фронте. Конечно, отношение общей массы военнопленных к подобного рода печати было далеко не однозначным. И все-таки многим она помогала сделать окончательный выбор.

Весной 1942 года на базе Оранского лагеря в Горьковской области была создана первая антифашистская школа, которая затем была переведена в Красногорск. В беседе с начальником отдела спецпропаганды Главного политуправления РККА М. И. Бурцевым член ЦК ВКП(б) Д. З. Мануильский так сформулировал ее основную цель: «В школе будут обучаться пленные, которые после войны смогут стать политическими организаторами и пропагандистами в своих освобожденных от фашизма странах...» ¹⁴⁰

Первый набор был немногочисленным и составил всего 60 пленных. В течение трех месяцев курсанты антифашистской школы изучали такие разделы программы: правда о гитлеровской Германии; Советский Союз—страна социализма; вторая мировая война и неизбежность поражения Германии; основные понятия об обществе и государстве. В числе преподавателей были такие известные немецкие коммунисты, как Гейнц Гофман, Герман Матерн, Эдвин Гернле, Рудольф Линдау. За время войны антифашистскую школу в Красногорске, которая впоследствии стала Центральной, и Центральные антифашистские курсы на базе Южного лагеря в Горьковской области закончили 5000 человек. ¹⁴¹ Среди выпускников можно встретить тех, кто в будущем займет ответственные государственные и военные посты в новой демократической Германии. Так, Г. Кесслер стал заместителем министра национальной обороны ГДР, Ф. Шефлер—

контр-адмиралом ВМС ГДР, Л. Штейдле—министром здравоохранения ГДР.

Немецкие коммунисты-политэмигранты не только вели занятия в антифашистских школах, но и работали в лагерях инструкторами по массово-политической работе. При их активном участии только в 1942 году в 11 лагерях состоялось 250 собраний и митингов, прочитано более 1000 лекций и докладов. 2 января 1943 года пленные из лагеря № 78 обратились с письмом к И. В. Сталину, в котором просили дать разрешение на формирование антифашистского корпуса для открытого боя с гитлеровской военной машиной, чтобы восстановить честь немецкого народа». ¹⁴²

Значительным событием, горячо обсуждавшимся среди военнопленных, стало основание Национального комитета «Свободная Германия». В советской историографии утверждается, что инициатива его создания принадлежит немецким коммунистам-политэмигрантам и тем «комитетам борьбы», которые уже действовали во многих лагерях. В то же время ясно, что разрешение на организацию Национального комитета могло поступить только «сверху». В начале 60-х годов сотрудник Центрального партархива И. Г. Кабин, занимавшийся в аппарате ЦК ВКП(б) во время войны германскими проблемами, поведал А. С. Бланку следующую историю. Как-то в июне 1943 года в кабинете начальника Главного политуправления РККА А. С. Щербакова раздался звонок. Отчетливо был слышен голос И. В. Сталина: «Товарищ Щербаков, немцам пора создавать свой антифашистский комитет на широкой основе! Уже пора. Дайте указание и предоставьте необходимые средства для этого». ¹⁴³

Через несколько дней на митинге в Красногорском лагере был сформирован Подготовительный комитет учредительной конференции по объединению антифашистских сил. 12—13 июля в клубе одного из заводов под Москвой, неподалеку от станции Павшино, встретились делегаты из различных лагерей и немецкие политэмигранты—депутаты рейхстага и писатели. Собравшиеся избрали Национальный комитет «Свободная Германия» во главе с поэтом-коммунистом Эрихом Вайнертом. Одновременно был принят манифест, в котором давалась оценка военно-стратегического и внутриполитического положения Германии и выдвигались требования: отмена расистских законов и законов против национальных меньшинств; восстановление профсоюзов; конфискация имущества зачинщиков войны; справедливый и беспощадный суд над ее виновниками. Манифест заканчивался словами: «За народ и отечество! За немедленный мир! За спасение германского народа! За свободную и независимую Германию!» ¹⁴⁴

Видная роль в появлении еще одной организаций военнопленных принадлежит председателю ЦК КПГ Вильгельму Пику. Тесемя дней, что он провел в Сузdalском лагере в июне 1943 года, не пропали даром. В конце августа в этом лагере возникла инициативная группа по созданию «Союза немецких офицеров». 11—12 сентября более 100 делегатов от офицерских лагерей объявили целью новой организации борьбу против гитлеризма и формирование правительства, облеченного доверием народа. Президентом «Союза немецких офицеров» стал генерал Вальтер фон Зейдлиц.

Переход пленных на антифашистские позиции в лагерях офицерского состава шел нелегко. Существовавшие за колючей проволокой подпольные центры из числа реакционно настроенного офицерства были способны на любые угрозы и гнусные провокации в отношении инакомыслящих. «Недостаток гражданского мужества, политическая неграмотность и другие настроения прошлого,—вспоминает бывший военнопленный полковник 6-й германской армии Вильгельм Адам,—мешали и мне следовать своей совести и активно присоединиться к Союзу немецких офицеров». 145 Однако несмотря на все препоны, к концу войны число членов вышеназванной организации достигло почти 4000 человек. 146

В начале января 1945 года руководство антифашистской работой в лагерях было передано в руки оперативно-чекистских отделений. Согласно приказу НКВД в помощь им передавались все лагерные политработники за исключением замполита и одного инструктора. 147 Такое решение, думается, было вызвано стремлением усилить режим секретности антифашистских школ и курсов, которые, особенно в послевоенный период, преследуют все более далеко идущие цели. Начальник ГУПВИ МВД СССР генерал-лейтенант Филиппов и начальник антифашистского отдела при политотделе ГУПВИ полковник Приходько доводили до сведения подчиненных: «В июне 1948 года будет произведен набор учащихся для спецобъекта № 42 с расчетом подготовки из набранных антифашистов руководящих работников государственных промышленных и сельскохозяйственных предприятий советской зоны оккупации Германии». Стать учащимся такой школы можно было только на основе довольно жесткого отбора. Первоочередное право на обучение получали: рабочие и крестьяне-бедняки; лица, отстраненные в Германии от работы за свои антифашистские убеждения; солдаты и офицеры вермахта, добровольно перешедшие на сторону Красной Армии; военнопленные, активно проявившие себя на общественно-политической работе в лагере. Отбирались кандидаты не моложе 45 лет, физически здоровые и имеющие за плечами уже законченные лагерные или

областные антифашистские курсы. Доступ в школу центрального подчинения был закрыт ранее состоявшим в фашистской партии кадровым офицерам вермахта, многократно удостоенным фашистских наград. Наконец, не менее 2/3 кандидатов должны были до войны проживать в советской зоне оккупации Германии.¹⁴⁸ Одним словом, в школе центрального подчинения готовились кадры, которым в ближайшем будущем предстояло стать руководителями промышленно-государственных структур демократической Германии.

Отдавая должное благородным целям и задачам антифашистской работы, нельзя не видеть, как погоня за «массовостью» вела к пополнению антифашистских рядов людьми с далеко не сформировавшейся идейной позицией. Единственная цель, которую они преследовали, заключалась в том, чтобы своей «активностью» заслужить право поскорее вернуться на родину. О тайных устремлениях таких пленных не могла не догадываться лагерная администрация и тем не менее довольно часто поощряла процесс формирования липовой армии «борцов» за правое дело. Порой дело доходило до курьезов. Начальник управления лагеря № 158 лично брал с пленных заявления с выражением готовности «вступить в интернациональную бригаду для борьбы с ненавистным фашизмом, как только потребуется». На дворе стоял август 1946 года... Даже много повидавшее на своем веку вышестоящее руководство было сражено и потребовало объяснить, для каких целей принимаются подобные заявления.¹⁴⁹ На примере этого не стоило бы заострять внимания, не существуй до сего дня идеализация всех массовых движений и начинаний прошлого. У прошлого есть чему поучиться, но и извлечь уроки из ошибок прошлого тоже необходимо.

Вместо послесловия

Вступил в последнее десятилетие XX век. В летопись человечества он войдет как век, вместиивший бурные перемены, необычайные, по силе влияния на окружающую среду, научно-технические изобретения, крупнейшие, по масштабам людских потерь, не имеющим precedента в предыдущей истории, войны.

Уроки нашей истории... Их предстоит извлечь не только современникам, но и нашим потомкам. Людям, чьи судьбы опалило горячее дыхание стремительного XX столетия, и поколениям, что придут им на смену, пусть будет дано понять главное: история — мать человечества. Такова она в естестве своем — мать для всех рождающихся на земле людей. Мачехой она может стать по вине сынов и дочерей, запамятовавших о своем материнском лоне, пренебрегающих опытом истории, измеряя жизнями предшественников.

Исследующему историю, возможно, легче в сравнении с теми, кто ее вершит непосредственно. Однако у летописца-историка своя архисложная задача — не свернуть с пути, по которому следовали свидетели и участники описываемых событий, понять логику их поступков.

Исследование, проведенное кандидатом исторических наук В. Конасовым, убеждает в том, что автор стремится воссоздать живую ткань исторического времени, о котором написано столь много, что, казалось бы, едва ли имеется необходимость в каких-либо существенных дополнениях. И все же такая необходимость имеется в отношении существеннейшего аспекта современной международной действительности — истории немецких военно-пленных в СССР в 40-е — 50-е годы.

Несмотря на незавершенность авторских заключений, что вполне объяснимо, поскольку данное исследование представляет из себя одну из пока еще не многих попыток, обратиться к мало разработанной проблеме периода второй мировой войны, гражданская позиция автора книги, его кредо историка выражены достаточно убедительно и заслуживают одобрения.

Человек, находящийся в плену, — тема, к сожалению, столь же не новая, как и само человечество. Однако едва ли она от этого перестала быть темой, вызывающей боль и тревогу, страдания сотен тысяч, если не миллионов людей.

Внешнеполитические акции, предпринятые правительством СССР в 80-е годы, благотворно влияют на ход международных дел, ослабляют угрозу новой войны. К числу благоприятных факторов внешней политики следует отнести и создание Советским Союзом вместе с США и Японией Международного института проблем военнопленных, и передачу правительством

ФРГ советской стороне списков на погибших и умерших в лагерях красноармейцев и ряд других гуманных инициатив.

Великолушие по отношению к поверженному врагу всегда отличало советских людей. В годы второй мировой войны милосердие и гуманизм проявили многие наши медики, спасая от ран, болезней и эпидемий десятки тысяч солдат и офицеров противника. Однако сегодня вызывает удовлетворение и тот факт, что в ФРГ существует «Народный союз по уходу за немецкими военными могилами», и что под опекой данного союза находятся и могилы погибших советских граждан.

Переоценивают свое отношение к местам захоронения иностранных военнопленных на территории СССР и советские люди. Отрадно, что в последнее время интерес к приведению в порядок могил, где покоится прах иностранных военнопленных, проявляют и граждане Вологодской области, на территории которой по предварительным данным, число похороненных достигает 6267 человек.

Книга В. Конасова—примечательное явление в исторической литературе. Основанная на документальных источниках, она способствует более точному пониманию сути прошедшего, а значит, освобождает в настоящем общественное сознание от стереотипов, сложившихся несколько десятилетий назад, но ставших анахронизмами в условиях нынешнего времени, на которое наложила печать перестройки в СССР.

История второй мировой войны без всестороннего освещения истории немецких военнопленных в СССР была бы неполной. Однако это требование, исходящее не только от науки. Наука всегда была выражением потребности своего века. На знамени же сегодняшнего общества история крупно начертала: справедливость, милосердие, гуманизм, единство. Как никогда ранее, все-человеческие ценности обрели на наших глазах особый, чрезвычайно осозаемый смысл. Уставшие от подозрения, вражды, противоборства и конфронтации, страны стремятся шагнуть на встречу друг другу в надежде обрести уверенность, мир и энергию созидательного действия. Уверен, что книга В. Конасова поможет народам сделать именно такой шаг.

В. СУДАКОВ,
председатель Вологодского областного
Комитета защиты мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Галицкий В. П. Проблема военнопленных и отношение к ней Советского государства // Советское государство и право. 1990. № 4. С. 124.
2. Старков О. Ю. Они не сдались // Восино-исторический журнал. 1989. № 12. С. 84.
3. Антонов-Овсеенко Антон. Сталин без маски. М. 1990. С. 464; Лебедева Н. С. О трагедии в Катыни // Международная жизнь. 1990. № 5. С. 120.
4. Известия. 1990. 19 февраля.
5. Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 11. Л. 237.
6. Правда. 1985. 2 декабря.
7. Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des 2. Weltkrieges. München. München, 1962—1974. Bd. 1—15.
8. Blank A. Die Deutschen Gefangenen in der UdSSR. Köln, 1979.
9. Женевская конвенция об улучшении участия раненых и больных в действующих армиях. Принята на Международной дипломатической конференции в Женеве 27 июля 1929 г. М. 1932. С. 5.
10. «Архипелаг ГУЛАГ»: глазами писателя и статистика. Беседа корреспондента с кандидатом исторических наук, старшим научным сотрудником Института истории СССР АН СССР В. Н. Земковым// Аргументы и факты. 1989 № 45.
11. См.: Большая Советская Энциклопедия. М. 1928. Т. 12. С. 545.
12. См.: Военно-исторический журнал. 1988. № 9. С. 28.
13. Цит. по: Борщев С. Н. от Невы до Эльбы. Л. 1973. С. 350.
14. Цит. по: Ромашкин П. С. Преступления против мира и человечества. М. 1967. С. 135.
15. Судебный процесс по делу верховного главнокомандования гитлеровского вермахта. М. 1964. С. 78, 79.
16. Назаревич Р. Советские военнопленные в Польше в годы второй мировой войны и помощь им со стороны польского населения // Вопросы истории. 1989. № 3. С. 38.
17. Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 11. Л. 237.
18. Верт А. Россия в войне 1941—1945. М. 1967. С. 304.
19. Женевская конвенция об улучшении участия раненых и больных в действующих армиях. Принята на Международной дипломатической конференции в Женеве 27 июля 1929 г. М. 1932. С. 10, 11.
20. Zayas A. de. Die Wehrmachtuntersuchungsstelle. Unveröffentlichte Akten über alliierte Völkerrechtsverletzungen im Zweiten Weltkrieg. München, 1979.— S. 273.
21. Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева // Вопросы истории. 1990. № 12. С. 93.
22. Архив ВММ МО СССР. Ф. 1. Оп. 35484. Д. 142. Л. 144.
23. Московские новости. 1989. 13 мая (Автор статьи «По ту сторону фронта» Ю. Тепляков использует материал, предоставленный ему доктором исторических наук М. И. Семирягой).
24. Bartsch M., Schebesch H-F., Scheppelmann R. Der Krieg im Osten, 1941—1945. Köln. 1981. S. 81.
25. Московские новости. 1989. 13 мая.
26. Зильберберг Л. Б., Лобастов О. С. и др. Потери медицинского состава войск в Великую Отечественную войну // Военно-медицинский журнал. 1990. № 2. С. 21.
27. Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1. Л. 54.
28. Архив ВММ МО СССР. Ф. 1. Оп. 35484. Д. 142. Л. 112.
29. ЦАМО. Ф. 309. Оп. 4092. Д. 62. Л. 58.
30. Архив ВММ МО СССР. Ф. 1. Оп. 35484. Д. 142. Л. 114.
31. Галицкий В. П. Вражеские военнопленные в СССР (1931—45 гг.) // Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С. 43.

32. Самсонов А. М. Знать и помнить: Диалог историка с читателем. М. 1989. С. 194.

33. Борлев С. Н. От Невы до Эльбы. Л. 1973. С. 414.

34. Женевская конвенция об улучшении участия раненых и больных в действующих армиях. Принята на Международной дипломатической конференции в Женеве 27 июля 1929 г. М. 1932. С. 14.

35. Архив ВММ МО СССР. Ф. 1. Оп. 35484. Д. 142. Л. 84.

36. ГАВО. Ф. 1876. Оп. 1. Д. 142. Л. 51.

37. Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 223. Л. 2.

38. Там же. Л. 7.

39. Известия. 1990. 11 мая.

40. Красная звезда. 1990. 31 июля.

41. Самсонов А. М. Вторая мировая война, 1939—1945. М. 1985. С. 532.

42. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. 6. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав—СССР, США и Великобритании (17 июля—2 августа 1945 г.). Сборник документов. М. 1980. С. 260, 312, 339, 435, 464, 465.

43. Правда. 1953. 23 августа.

44. Архив ВММ МО СССР. Ф. 39. Оп. 69512. Д. 3. Л. 304.

45. Архив УВД ВО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 6. Л. 124.

46. Ошибочно датированное сообщение ТАСС 1955 годом энциклопедия «Великая Отечественная война» М. 1985. См. стр. 157. указ. соч.

47. Правда. 1953. 23 августа.

48. Правда. 1953. 1 ноября.

49. Правда. 1955. 10 сентября.

50. Правда. 1955. 11 сентября.

51. Правда. 1955. 12 сентября.

52. Там же.

53. Манфред Ридель. Этос политического диалога // СССР—ФРГ: навстречу друг другу. Духовные предпосылки и проблемы сотрудничества. М. 1990. С. 184.

54. Галицкий В. П. Вражеские военнопленные в СССР (1941—1945 гг.) // Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С. 39, 40.

55. Лебедева Н. С. О трагедии в Катыни // Международная жизнь. 1990. № 5. С. 113.

56. Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 7. Л. 8.

57. Галицкий В. П. Вражеские военнопленные в СССР (1941—1945 гг.). // Военно-исторический журнал. 1990. № 90. С. 40.

58. Там же. С. 42.

59. Бурцев М. И. Прозрение. М. 1981. С. 146.

60. Галицкий В. П. Вражеские военнопленные в СССР (1941—45 гг.) // Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С. 42.

61. Самсонов А. М. Вторая мировая война. 1939—1945. М. 1985. с. 234.

62. Галицкий В. П. Вражеские военнопленные в СССР (1941—1945 гг.). // Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С. 40.

63. Uhle-Wettler F. Hoherpunkte und Wendepunkte deutscher Militärgeschichte.—Mainz, 1984.—S. 339.

64. Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 446. Л. 66.

65. Галицкий В. П. Вражеские военнопленные в СССР (1941—1945 гг.). // Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С. 42, 43.

66. Отто Рюле. Исцеление в Елабуте. Мемуары. М. 1969. С. 173, 177.

67. Галицкий В. П. Вражеские военнопленные в СССР (1941—1945 гг.). // Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С. 43.

68. Земсков В. Н. К вопросу о депатриации советских граждан, 1944—1951 годы // История СССР. 1990. № 4. С. 32, 34.

69. Самсонов А. М. Вторая мировая война, 1939—1945. М. 1985. С. 532.

70. Там же. С. 500, 527.

71. Галицкий В. П. Вражеские военнопленные в СССР (1941—1945 гг.) // Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С. 41.

72. Франц Уле-Веттлер, Вторая мировая война и современность // ФРГ: навстречу друг другу. Духовные предпосылки и проблемы сотрудничества. М. 1990. С. 258.

73. Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 348. Л. 18.

74. Там же. Д. 446 (лист не пронумерован).

75. Ржешевский О., Иваницкий Г. Правда и ложь о жизни немецких военнопленных в СССР // Военно-исторический журнал. 1978. № 10. С. 77—78.

76. Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 348. Л. 18.

77. Там же Д. 442. (лист не пронумерован).

78. Там же (лист не пронумерован).

79. Галицкий В. П. Вражеские военнопленные в СССР (1941—1945 гг.) // Военно-исторический журнал. 1990. № 4. С. 43.

80. См.: Бланк А. С., Хавкин Б. Л. Вторая жизнь фельдмаршала Паулюса. М. 1990. С. 1117.

81. Филиев И. Ф. Генерал-фельдмаршал Ф. Паулюс свидетельствует // Военно-исторический журнал. 1990. № 5. С. 52.

82. Цит. по: Бланк А. С., Хавкин Б. Л. Вторая жизнь фельдмаршала Паулюса. М. 1990. С. 132.

83. Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 7. Л. 38—39.

84. Петерсхаген Р. Мятежная совесть. М. 1958. С. 104, 107—108.

85. Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 3. Л. 241.

86. Там же. Л. 69.

87. Там же. Л. 221.

88. Там же. Л. 225.

89. Там же. Л. 230.

90. Там же. Д. 421 (лист не пронумерован).

91. Там же. Д. 446 (лист не пронумерован).

92. Там же. Д. 6. Л. 115.

93. Цит. по: Оружием правды. М. 1971. С. 292—293.

94. Архив ВММ МО СССР. Ф. 1. Оп. 35484. Д. 142. Л. 114.

95. Там же. Л. 207—208.

96. Там же. Л. 1, 2, 4, 5, 7.

97. Смирнов Е. И. Война и военная медицина 1939—1945 гг. М. 1979. С. 210.

98. Архив ВММ МО СССР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 85. Л. 13, 57, 89, 135.

99. Там же. Д. 6 Л. 199—200.

100. Георгиевский А. С., Лобастов О. С. Медицинское обеспечение советских войск в Восточно-Прусской операции // Военно-медицинский журнал. 1990. № 5. С. 53.

101. Архив ВММ ММО СССР. Ф. 39. Оп. 69512. Д. 3. Л. 43.

102. Там же. Оп. 8963 Д. 13. Л. 40.

103. Там же. Л. 11—17.

104. ГАВО. Ф. 1876. Оп. 1. Д. 122. Л. 1.

105. Бланк А. С., Хавкин Б. Л. Вторая жизнь фельдмаршала Паулюса. М. 1990. С. 119.

106. Кованов В. В. Солдаты бессмертия М. 1986. С. 157.

107. Ржешевский О., Иваницкий Г. Правда и ложь о жизни немецких военнопленных в СССР // Военно-исторический журнал. 1978. № 10. С. 78.

108. Архив УВД ВО. Ф. 10. Он. 1. Д. 9. Л. 106.

109. ГАВО. Ф. 1876. Оп. 1. Д. 141. Л. 1.

110. Архив ВММ МО СССР. Ф. 1799. Оп. 70174. Д. 14. Л. 217 об.

111. Там же. Л. 230.

112. Войтенко М. Ф., Грибковская Г. А. Гуманизм советской военной медицины // Военно-медицинский журнал. 1985. № 5. С. 70.

113. Война, факты, свидетельства // Диалог. 1990. № 7. С. 21.

114. Галицкий В. П. Вражеские военнопленные в СССР (1941—1945 гг.) // Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С. 45.

115. ГАВО. Ф. 1876. Оп. 1. Д. 122. Л. 5.

116. Там же. Д. 141. Л. 7.

117. Лебедева Н. С. О трагедии в Катыни // Международная жизнь. 1990. № 5. С. 121.

118. Отто Рюле. Исцеление в Елабуге. Мемуары. М. 1969. С. 185.

119. Бланк А. С., Хавкин Б. Л. Вторая жизнь фельдмаршала Паулюса. М. 1990. С. 128.

120. Там же. С. 130—131.

121. Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1. Л. 9.

122. Шванебах Б. Э. Руководство по немецкому переводу. Выпуск первый. М. 1943. С. 4—5.

123. Пузырев Н. И. Военнопленные генералы // «Волга». 1981. № 4. С. 151.

124. Там же.

125. Бланк А. С. Хавкин Б. Л. Вторая жизнь фельдмаршала Паулюса. М. 1990. С. 126—128.

126. Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

127. Там же. Д. 9. Л. 6.

128. Там же. Д. 122. Л. 143.

129. Там же. Д. 11. Л. 14.

130. Там же.

131. Там же. Д. 1. Л. 65—67.

132. Бланк А. С. Старый и новый фашизм: Политико-социологический очерк. М. 1982. С. 115—116.

133. Архив ВММ МО СССР. Ф. 21. Оп. 2 З.Д. 46. Л. 23.

134. ЛПА. Ф. 25. Оп. 10. Д. 307—А. Л. 82—83.

135. Бурцев М. И. Прозрение. М. 1981. С. 108—109.

136. Там же. С. 235.

137. Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева // Вопросы истории. 1990. № 12. С. 93.

138. Бурцев М. И. Прозрение. М. 1981. С. 140, 235.

139. Правда. 1941. 15 ноября.

140. Бурцев М. И. Прозрение. М. 1981. С. 95.

141. Там же. С. 98, 99.

142. Там же. С. 182.

143. Бланк А. С., Хавкин Б. Л. Вторая жизнь фельдмаршала Паулюса. М. 1990. С. 161.

144. Freies Deutschland. 1943, № 1.

145. Вильгельм Адам. Трудное решение. Мемуары личковника 6-й германской армии. М. 1967. С. 419.

146. Бурцев М. И. Прозрение. М. 1981. С. 193.

147. Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

148. Там же. Д. 6. Л. 67.

149. Там же. Д. 11. Л. 230.

Условные обозначения

Архив ВММ МО СССР—архив Военно-медицинского музея Министерства обороны СССР.

Архив УВД ВО — архив Управления Внутренних Дел Вологодского обл-исполкома.

ГАВО — Государственный архив Вологодской области.

ЛПА — Ленинградский партийный архив Института истории партии — филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

ЦАМО — Центральный архив Министерства обороны СССР.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
«Не каждый наш солдат герой. Так пусть уж лучше он погибнет, чем сдастся в плен...»	7
О нарушениях норм международного права со стороны СССР	10
Организация приема и эвакуации военнопленных	19
Лагерный быт и труд военнопленных	23
Проблема медицинского обслуживания	31
Оперативно-розыскная работа и осведомительная сеть	37
Формирование антифашистского актива	42
Вместо послесловия	49

В. Б. КОНАСОВ

«ГРИФ СЕКРЕТНОСТИ СНЯТ»

Технический редактор Т. В. Звероловлева

Отв. за выпуск Е. А. Дунаев

Сдано в набор 3.06.91 г. Подписано в печать 2.08.91 г. Формат 60×84 1/16.
Бумага писчая. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 3,25
Тираж 2500 экз. Зак. 1719. Цена 2 руб.

Усть-Кубинская районная типография, п. Устье, Набережная, 1

3.07.11 - Lorenz, OKF
19.12.11 58047
24.12.15 - OKF
23.12.2021 Lorenz, OKF
14.07.25 030

30

Цена 2 руб.